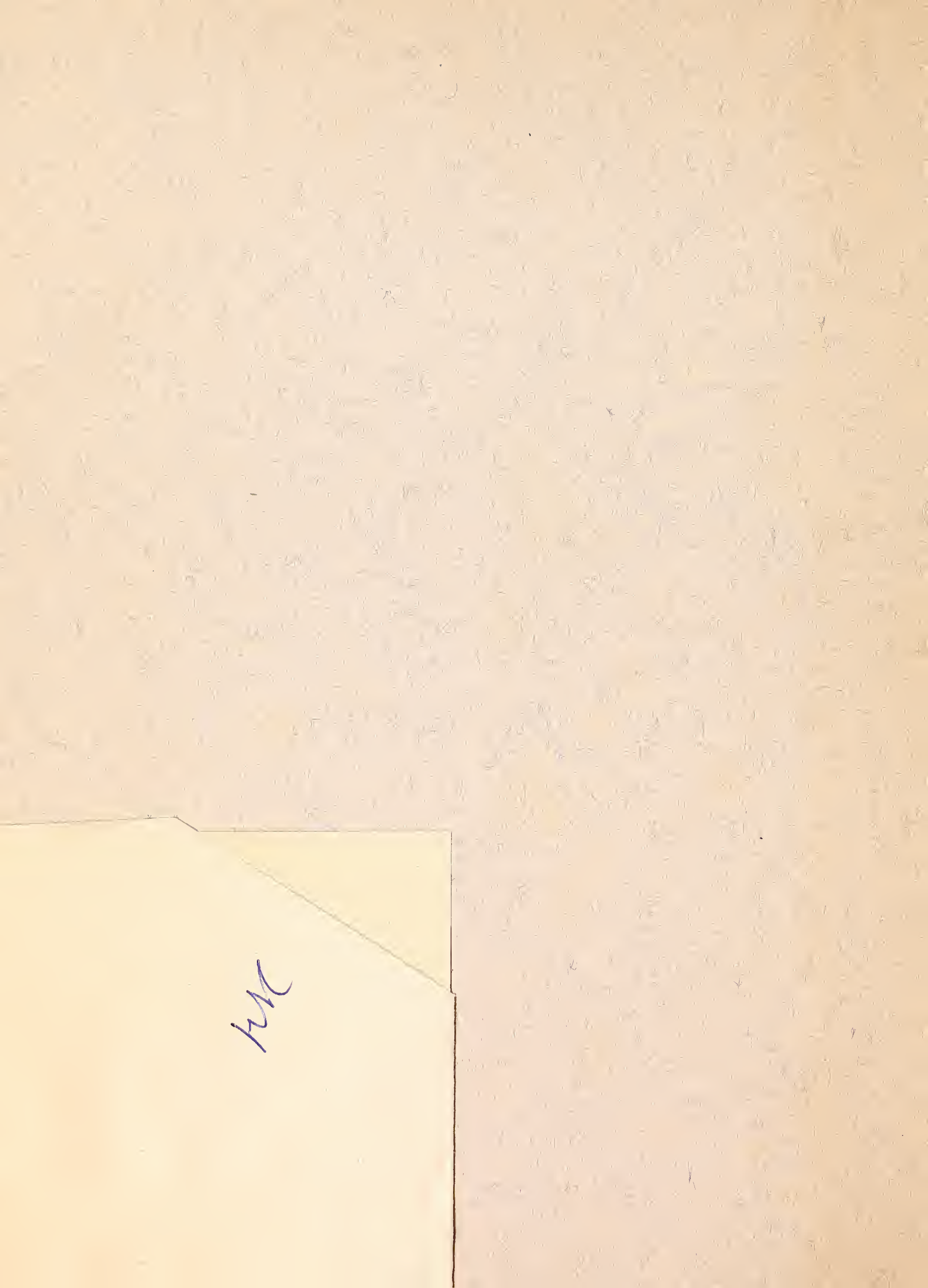

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

Томъ Первый

Подъ Сѣвернымъ Небомъ

Въ Безбрежности

Тишина

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1905

К. Д. Бальмонтъ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

Томъ Первый

Подъ Сѣвернымъ Небомъ

Въ Безбрежности

Тишина

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СКОРПІОНЪ“ 1905

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., ДОМЪ № 5.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904).

Огонь, Вода, Земля, и Воздухъ — четыре царственныя Стихіи, съ которыми неизмѣнно живетъ моя душа въ радостномъ и тайномъ соприкосновеніи. Ни одного изъ ощущеній я не могу отдѣлить отъ нихъ, и помню о ихъ Четвер огласіи всегда.

Огонь—всеобъемлющая тройственная стихія, пламя, свѣтъ, и теплота, тройственная и седьмеричная стихія, самая красивая изъ всѣхъ. Вода — стихія ласки и влюбленности, глубина завлекающая, ея голосъ — влажный поцѣлуй. Воздухъ — всеокружная колыбель-могила, саркофагъ-альковъ, легчайшее дуновеніе Вѣчности, и незримая лѣтопись, которая открыта для глазъ души. Земля—черная оправа ослѣпительнаго брилліанта, и Земля — небесный Изумрудъ, драгоцѣнный камень Жизни, весеннее Утро, нѣжный расцвѣтный Садъ.

Я люблю всѣ Стихіи равно, хоть поразному. И знаю, что каждая стихія бываетъ ласкающей, какъ колыбельная пѣсня, и страшной, какъ шумъ приближающихся вражескихъ дружинъ, какъ взрывы и раскаты дьявольскаго смѣха.

Вода нѣжнѣе Огня, оттого что въ ней женское начало, нѣжная влажная всевоспринимаемость. Огонь не такъ нѣженъ, порой, но онъ сильнѣе, сложнѣй, и страшнѣе, онъ сокровеннѣй и проникно-

веннѣе. Въ Воздухѣ тонутъ взоры, и душа уносится къ Вѣчному, въ бѣлое Царство Безтѣлесности. Земля роднѣй намъ всѣхъ другихъ Стихій — высотъ и низинъ — и къ ней радостно прильнуть съ дрожаніемъ счастья въ груди, и съ глухимъ сдавленнымъ рыданіемъ.

Всѣ Стихіи люблю я, и ими живетъ мое творчество.

Оно началось, это длящееся, только еще обозначившееся, творчество — съ печали, угнетенности, и сумерекъ. Оно началось подъ Сѣвернымъ небомъ, но, силою внутренней неизбѣжности, черезъ жажду безграннаго, Безбрежнаго, черезъ долгія скитанія по пустыннымъ равнинамъ и проваломъ Тишины, подошло къ радостному Свѣту, къ Огню, къ побѣдительному Солнцу.

Отъ книги къ книгѣ, явственно для каждаго внимательнаго глаза, у меня переброшено звено, и я знаю, что, пока я буду на Землѣ, я не устану ковать все новыя и новыя звенья, и что мостъ, который создаетъ моя мечта, уходитъ въ вольныя манящія дали.

Отъ безцвѣтныхъ сумерекъ къ красочному Маю, отъ робкой угнетенности къ Царицѣ-Смѣлости съ блестящими зрачками, отъ скудости къ роскоши, отъ стѣнъ и запретовъ къ Цвѣтамъ и Любви, отъ незнанья къ счастью вѣчнаго познанья, отъ гнета къ глубокому вздоху освобожденья, къ этой радости видѣть и ласкать своимъ взоромъ еще новое, вотъ еще, и еще, безъ конца.

И если воистину я люблю всѣ Стихіи въ разное время равно, мнѣ все же хочется сказать сейчасъ, что любимая моя стихія — Огонь. Я молюсь Огню. Огонь есть истинно всемірная стихія, и кто причастился Огня, тотъ слитъ съ Міровымъ. Онъ душой своей входитъ въ таинственныя горницы, гдѣ горятъ неугасимые свѣтильники — и струятся во взоры вліянья волшебныхъ талисмановъ, драгоцѣнныхъ камней.

К. Бальмонтъ.

3 декабря. Вечеръ.
Москва.

Подъ сѣвернымъ небомъ

Элегіи, стансы, сонеты

Ohne das Gefolge der Trauer ist mir
das Göttliche im Leben nie erschienen

Lenau

1894. — Зима.

I.

СМЕРТЬ.

Не вѣрь тому, кто говоритъ тебѣ,
Что смерть есть смерть: она — начало жизни,
Того существованья неземного,
Передъ которымъ наша жизнь темна,
Какъ мигъ тоски — предъ радостью безпечной,
Какъ черный грѣхъ — предъ дѣтской чистотой.
Намъ не дано познать всю прелесть смерти,
Мы можемъ лишь предчувствовать ее,—
Чтобъ не было для нашихъ душъ соблазна
До времени покинуть міръ земной
И, не пройдя обычныхъ испытаній,
Уйти съ своими слабыми очами
Туда, гдѣ бъ ослѣпилъ насъ высшій свѣтъ.
Пока ты человѣкъ, будь человѣкомъ
И на землѣ земное совершай,
Но сохрани въ душѣ огонь нетлѣнный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тѣмъ, чѣмъ быть ты можешь.
Безтрепетно иди все выше — выше,
По лучезарнымъ чистымъ ступенямъ,

Пока передъ тобой не развернется
Воздушная нѣмая безконечность,
Гдѣ время прекращаетъ свой полетъ.
Тогда познаешь ты, что есть свобода
Въ разумной подчиненности Творцу,
Въ смиренномъ почитаніи Природы, —
Что какъ по непочатому пути
Всегда впередъ стремится наше Солнце,
Ведя съ собой и Землю и Луну
Къ прекрасному созвѣздью Геркулеса,
Такъ, вѣчнаго исполнено стремленья,
Съ собой насъ увлекаетъ Божество
Къ невѣдомой, но благодатной цѣли.
Живи, молись — дѣлами и словами,
И смерть встрѣчай какъ лучшей жизни вѣсть.

II.

ФАНТАЗІЯ.

Какъ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сіянья,
Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей, и березъ;
Вѣщій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ Луны пріемлетъ,
И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ грезъ.
Слыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шепчутъ ели,
Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пѣнье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье, — точно искрится звѣзда,

Точно свѣтлый дождь струится, — и деревьямъ что-то мнится,
То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся ихъ очи,
Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
Что ихъ мучитъ, что тревожитъ? Что, какъ червь, ихъ тайно гложетъ?
Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнъ Небесъ?

Все сильнѣй звучитъ ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль, —
Точно ихъ томитъ тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.
А Луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ деревъ;
Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ внемлютъ,
И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ свѣтлыхъ сновъ.

III.

ЗАРНИЦА.

Какъ въ небесахъ, объятыхъ тяжкимъ сномъ,
Порой сверкаетъ бѣглая зарница,
Но ей не отвѣчаетъ дальній громъ, —

Такъ точно иногда въ умѣ моемъ
Мелькаютъ сны, и образы, и лица,
Погибшіе во тьмѣ далекихъ лѣтъ, —

Но мимолетенъ ихъ непрочный свѣтъ,
Моя душа безмолвна, какъ гробница,
Въ ней отзыва на ихъ призывы нѣтъ.

IV.

МОЛИТВА.

Господи Боже, склони свои взоры
Къ намъ, истомленнымъ суровой борьбой,
Словомъ Твоимъ подвигаются горы,
Камни какъ тающій воскъ предъ Тобой!

Тьму отдѣлилъ Ты отъ яркаго свѣта,
Создалъ Ты небо, и Небо небесъ,
Землю, что трепетомъ жизни согрѣта,
Міръ, преисполненный скрытыхъ чудесъ!

Создалъ Ты Рай — чтобъ изгнать насъ изъ Рая.
Боже, опять насъ къ себѣ возврати,
Мы истомились, во мракѣ блуждая,
Если мы грѣшны, прости насъ, прости!

Не искушай насъ безцѣльнымъ страданьемъ,
Не утомляй непосильной борьбой,
Дай возвратиться къ Тебѣ съ упованьемъ,
Дай намъ, о, Господи, слиться съ Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
Боже Нашъ, Отче Нашъ, полный любви!
Боже, намъ горько, намъ страшно, намъ трудно,
Сжалься, о, сжалься, мы — дѣти Твои!

V.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

СОНЕТЪ.

Когда Луна сверкнетъ во мглѣ ночной
Своимъ серпомъ, блистательнымъ и нѣжнымъ,
Моя душа стремится въ міръ иной,
Плѣняясь всѣмъ далекимъ, всѣмъ безбрежнымъ.

Къ лѣсамъ, къ горамъ, къ вершинамъ бѣлоснѣжнымъ
Я мчусь въ мечтахъ, какъ будто духъ больной,
Я бодрствую надъ міромъ безмятежнымъ,
И сладко плачу, и дышу — Луной.

Впиваю это блѣдное сіянье,
Какъ эльфъ, качаюсь въ сѣткѣ изъ лучей,
Я слушаю, какъ говоритъ молчанье.

Людей родныхъ мнѣ далеко страданье,
Чужда мнѣ вся Земля съ борьбой своей,
Я — облачко, я — вѣтерка дыханье.

VI.

НИТЬ АРІАДНЫ.

Межъ прошлымъ и будущимъ нить
Я тку неустанной проворной рукою:
Хочу для грядущихъ столѣтій покорно и честно служить
Борьбой, и трудомъ, и тоскою,—

Тоскою о томъ, чего нѣтъ,
Чтó дремлетъ пока, какъ цвѣтокъ подъ водою,
О томъ, чтó когда-то проснется чрéзъ многія тысячи лѣтъ,
Чтобъ вспыхнуть падучей звѣздою.

Есть много не сказанныхъ словъ
И много созданій, не созданныхъ нынѣ,—
Ихъ столько же, сколько песчинокъ среди безконечныхъ песковъ,
Въ нѣмой аравійской пустынѣ.

VII

* * *

Уходитъ свѣтлый Май. Мой небосклонъ темнѣетъ.
Пять быстрыхъ лѣтъ пройдетъ,—мнѣ минетъ тридцать лѣтъ.
Замолкнутъ соловьи, и холодомъ повѣетъ,
И ясныхъ вешнихъ дней навѣкъ угаснетъ свѣтъ.

И въ свой чередъ придутъ дни, полные скитаній,
Дни, полные тоски, сомнѣній, и борьбы,
Когда заноетъ грудь подъ тяжестью страданій,
Когда познаю гнетъ властительной Судьбы.

И чтò мнѣ жизнь сулитъ? Къ какой отрадѣ манитъ?
Быть-можетъ, дастъ любовь и счастіе? О, нѣтъ!
Она во всемъ солжетъ, она во всемъ обманетъ,
И поведетъ меня путемъ тернистымъ бѣдъ.

И тѣмъ путемъ идя, быть-можетъ, падать стану,
Утрачу всѣхъ друзей, моей душѣ родныхъ,
И,— чтó всего страшнѣй,— быть-можетъ, перестану
Я вѣрить въ честь свою и въ правду словъ своихъ.

Пусть такъ. Но я пойду впередъ безъ колебанья —
И въ знойный день, и въ ночь, и въ холодъ, и въ грозу:
Хочу я усладить хоть чье - нибудь страданье,
Хочу я отереть хотя одну слезу!

VIII.

* * *

Одна есть въ мірѣ красота.
Не красота боговъ Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не горъ тяжелыя громады,
И не моря, не водопады,
Не взоровъ женскихъ чистота.
Одна есть въ мірѣ красота —
Любви, печали, отреченья,
И добровольнаго мученья
За насъ распятаго Христа.

IX.

БОЛОТО.

О, нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній,
Холодный полумракъ, безъ звуковъ и огня.
Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣній,
Ни тьмы ночной, ни свѣта дня.
Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
Смѣшались контуры, и краски, и черты,
И въ царствѣ мертваго безсильнаго молчанья
Лишь дышутъ ядовитые цвѣты.

Да жабы черныя, исчадія трясины,
Порою вынырнутъ изъ грязныхъ спящихъ водъ,
И, словно радуясь обилью скользкой тины,
Ведутъ зловѣщій хороводъ.

X.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ снѣговъ,
Подъ холоднымъ сіяньемъ Луны,
Хорошо намъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
Обитатели призрачной свѣтлой страны,
Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны.

Какъ отрадно въ глубокій полуночный часъ
На мгновенье всѣ скорби по-дѣтски забыть,
И, забывъ, что любовь невозможна для насъ,
Какъ отрадно мечтать и любить,
Безъ улыбки, безъ словъ,
Средь ночной тишины,
Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
Въ царствѣ блѣдной Луны.

XI.

РОДНАЯ КАРТИНА.

Стаи птицъ. Дороги лента.
Повалившійся плетень.
Съ отуманеннаго неба
Грустно смотритъ тусклый день.

Рядъ березъ, и видъ унылый
Придорожнаго столба.
Какъ подъ гнетомъ тяжкой скорби
Покачнулася изба.

Полусвѣтъ и полусумракъ, —
И невольно рвешься вдаль,
И невольно давитъ душу
Безконечная печаль.

XII.

ЗАЧѢМЪ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.
Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу неземную —
И приковалъ меня къ землѣ?
Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій,
Я говорю Тебѣ, Творецъ,
Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,
И ищемъ: гдѣ же нашъ Отецъ?
Когда бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ внятно,
Я былъ бы радъ сіянью дня,
Но жизнь, любовь, и смерть, — все страшно, непонятно,
Все неизбѣжно для меня.
Великъ Ты, Господи, но міръ Твой непривѣтенъ,
Какъ все великое, онъ нѣмъ,
И тысячи вѣковъ напрасенъ, безотвѣтенъ
Мой скорбный крикъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ?..“

XIII.

* * *

Мнѣ ненавистенъ гулъ гигантскихъ городовъ,
Противно мнѣ толпы движенье,
Мой духъ живетъ среди лѣсовъ,
Гдѣ въ тишинѣ уединенья
Внемлю я музыкѣ незримыхъ голосовъ,
Гдѣ неустанный бѣгъ часовъ
Не возмущаетъ упоенья,
Гдѣ сладко быть среди цвѣтовъ
И полной чашей пить изъ родника забвенья.

XIV.

* * *

Я знаю, что̀ значитъ — безумно рыдать,
Вокругъ себя видѣть пустыню безплодную,
Что̀ значитъ — съ отчаяньемъ въ зиму холодную
Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимнъ соловья
Лишь тѣмъ и хорошъ, что похожъ на рыданіе,
Что горъ снѣговыхъ вѣковое молчаніе
Прекраснѣй, чѣмъ лепетъ ручья.

XV.

У СКАНДИНАВСКИХЪ СКАЛЪ.

Дремлютъ гранитныя скалы, викинговъ пріютъ опустѣвшій,
Мрачныя сосны одѣли ихъ твердую темную грудь.
Скорбь въ небесахъ разлита, точно грусть о мечтѣ отлетѣвшей,
Ночь безъ Луны и безъ звѣздъ безшумно свершаетъ свой путь.

Ластится къ берегу море волной шаловливо-безпечной,
Сердце невольно томится какою-то странной тоской:
Хочется слиться съ Природой, прекрасной, гигантской, и вѣчной,
Хочется капелькой быть въ безграничной пучинѣ морской.

XVI.

ПРИЗРАКЪ.

Гдѣ бъ ни былъ я, вездѣ, какъ тѣнь, со мной—
Мой милый братъ, отшедшій въ жизнь иную,
Тоскующій, какъ ангелъ неземной,
Въ своей душѣ таящій скорбь нѣмую,—
Такъ явственно стоитъ онъ предо мной.

И я, какъ онъ, и плачу, и тоскую;
Но плачу ли, смѣюсь ли,—духъ родной,—
Онъ никогда меня не покидаетъ,
Со мной живетъ онъ жизнію одной.

Лишь иногда въ тревожный часъ ночной,
Невольно умъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
И я его спрошу: „Въ странѣ иной,
За темною загадочной могилой,
Увидимся ль съ тобой, о, братъ мой милый?“

Въ его глазахъ тогда мелькаетъ тѣнь,
И слезы онъ блестящія роняетъ,
И какъ предъ ночью тихо гаснетъ день,
Такъ отъ меня онъ тихо улетаетъ.

XVII.

У ФЬОРДА.

Хмуро сѣверное небо,
Скорбны плачущія тучи,
Съ темныхъ скалъ на воды фьорда
Мрачно смотритъ лѣсъ могучій.
　　Безотрадно здѣсь мерцанье
　　Безглагольной глубины,
　　Непривѣтны вздохи вѣтра
　　Между вѣтками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
Жаждетъ воли и простора,
Жаждетъ луга, травъ душистыхъ,
Ихъ зеленаго убора.
　　И встревоженной мечтою
　　Слышишь въ ропотѣ волны —
　　Колокольчикъ русской тройки
　　Въ царствѣ степи и Луны.

XVIII.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ.

СОНЕТЪ.

Еще послѣднiй снѣгъ въ долинѣ мглистой
На свѣтлый ликъ весны бросаетъ тѣнь,
Но ужь цвѣтетъ душистая сирень,
И барвинокъ, и ландышъ серебристый.

Какъ кротокъ и отраденъ день лучистый,
И какъ привѣтна ивъ прибрежныхъ сѣнь.
Какъ будто ожилъ даже мшистый пень,
Склонясь къ водѣ, безтрепетной и чистой.

Кукушки нѣжный плачъ въ глуши лѣсной
Звучитъ мольбой тоскующей и странной.
Какъ весело, какъ горестно весной,—

Какъ мiръ хорошъ въ своей красѣ нежданной,
Контрастовъ мiръ, съ улыбкой неземной,
Загадочный подъ дымкою туманной.

XIX.

НОРВЕЖСКАЯ ДѢВУШКА.

Очи твои, голубыя и чистыя—
Слiянье небесной лазури съ измѣнчивымъ блескомъ волны;
Пряди волосъ золотистыя
Нѣжнѣе, чѣмъ нить паутины въ сiяньи вечерней Луны.

Вся ты — намекъ, вся ты — сказка прекрасная,
Ты—отблескъ зарницы, ты—отзвукъ загадочной пѣсни безъ словъ;
Свѣтлая, дѣвственно-ясная,
Вакханка съ душою весталки, цвѣтокъ подъ покровомъ снѣговъ.

XX.

М***.

Ты — шелестъ нѣжнаго листка,
Ты — вѣтеръ, шепчущій украдкой,
Ты — свѣтъ, бросаемый лампадкой,
Гдѣ брезжитъ сладкая тоска.

Мнѣ чудится, что я когда-то
Тебя видалъ, съ тобою былъ,
Когда я сердцемъ то любилъ,
Къ чему мнѣ больше нѣтъ возврата.

XXI.

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
Надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
Безпріютная чайка изъ дальней страны.

XXII.

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ.

СКАНДИНАВСКАЯ ПѢСНЯ.

H. Ibsen. Gildet paa Solhaug.

Горный король на далекомъ пути.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Дѣву-красавицу хочетъ найти.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Видитъ усадьбу на мшистой горѣ.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Кирстэнъ-малютка стоитъ на дворѣ.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Онъ называетъ невѣстой ее.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Дѣвѣ даритъ ожерелье свое.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Далъ ей онъ кольца, и за руку взялъ.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Кирстэнъ-малютку въ свой замокъ умчалъ.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Годы проходятъ, пять лѣтъ пронеслось.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Много бѣдняжкѣ поплакать пришлось.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Девять и десять умчалося лѣтъ.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Кирстэнъ забыла про солнечный свѣтъ.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Гдѣ-то веселье, цвѣты, и весна.
— Скучно въ чужой сторонѣ. —
Кирстэнъ во мракѣ тоскуетъ одна.
— Ты не вернешься ко мнѣ. —

XXIII.

КАРТИНКА.

СОНЕТЪ.

Въ глухую ночь, неясною толпой,
Сбираются души моей созданья,
Тяжелою медлительной стопой
Проходятъ предо мной воспоминанья.

Я слышу пѣсни, смѣхъ, и восклицанья,
Я вижу, какъ неровною тропой,
Подъ ласкою вечерняго сіянья,
Предъ сномъ идутъ стада на водопой.

Едва-едва передвигая ноги,
Вздымаютъ пыль клубами у дороги
Толпы овецъ пушистыхъ и быковъ.

Пастухъ усталъ, объ ужинѣ мечтаетъ,
И надо всей картиною витаетъ
Веселый рой безпечныхъ сельскихъ сновъ.

XXIV.

* * *

О, если бъ мнѣ сердце холодное,
Холодное сердце русалки, —
Чтобъ могъ я спокойно внимать неумолчному ропоту Моря,
И стону страданій людскихъ!

О, если бъ мнѣ крылья орлиныя,
Свободныя сильныя крылья, —
Чтобъ могъ я на нихъ улетѣть въ безграничное царство Лазури,
Чтобъ могъ я не видѣть людей!

XXV.

МЕЧТА.

Стекло Балтійскихъ водъ подъ вѣтромъ чуть дрожало,
Среди печальныхъ шхеръ на Сѣверъ мы неслись.
Невольно ты ко мнѣ свой милый взоръ склоняла,
Въ двухъ молодыхъ сердцахъ мечты любви зажглись.

Ты мнѣ казалася волшебною загадкой,
Казался я тебѣ загадкою, — и мы
Мѣнялись взорами влюбленными, украдкой,
Подъ кровомъ сѣверной вечерней полутьмы.

Какъ хороши любви застѣнчивыя ласки,
Когда двѣ юныя души озарены
Мечтой минутною, какъ чары дѣтской сказки,
Какъ очертанія причудливой волны.

Ни слова мы съ тобой другъ другу не сказали,
Но былъ нашъ разговоръ безъ словъ краснорѣчивъ,
Съ тобой разстался я безъ муки, безъ печали,
Но сохранилъ въ душѣ восторженный порывъ.

...Теперь другую страсть, страсть знойную, лелѣя,
Я болѣе плѣненъ той чистою мечтой, —
Какъ блѣдный Сѣверъ мнѣ и ближе, и милѣе,
Чѣмъ свѣтлый знойный Югъ съ своею красотой.

XXVI.

* * *

Когда между тучекъ туманныхъ
Полночной порой загорится Луна,
Душа непонятной печали полна,
Исполнена думъ несказанныхъ,
Тѣхъ чувствъ, для которыхъ названія нѣтъ,
И той Красоты безконечной,
Что, вспыхнувъ, зарницею вѣчной,
Сіяетъ потомъ въ черномъ сумракѣ лѣтъ.

XXVII.

* * *

Катеринѣ Алексѣевнѣ Андреевой.

Я разстался съ печальной Луною, —
Удалилась царица небесъ,
Тамъ, въ горахъ, за ихъ черной стѣною,
Ея ликъ омраченный исчезъ.

И въ предутреннемъ сумракѣ ясномъ
Мнѣ послышался вздохъ вѣтерка,
И въ Лазури, на небѣ прекрасномъ,
Отразилась нѣмая тоска.

Силуэты лѣсныхъ великановъ
Молчаливо предстали вдали,
И покровы дрожащихъ тумановъ
Надъ заплаканнымъ лугомъ легли.

Вся Природа казалась больною
И какъ будто молила меня,
И грустила, прощаясь съ Луною,
Въ ожиданіи знойнаго дня.

XXVIII.

РАЗЛУКА.

Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
Въ виду береговъ Скандинавіи,
Я думалъ, мой другъ, о тебѣ,—
О тебѣ,
Чей образъ со мной неразлученъ,
Точно такъ же, какъ часъ возвѣщающій дню
Приближеніе ночи
Неразлученъ съ красавицей неба, Вечерней Звѣздой,—
Какъ морская волна неразлучна съ пугливою чайкой.
Много яркихъ свѣтилъ въ безграничномъ пространствѣ Лазури, —
Лучезарный Арктуръ, Береники блестящіе кудри,
Оріонъ, и созвѣздіе Леды,
Большая Медвѣдица,

Но среди милліоновъ свѣтилъ
Нѣтъ свѣтила прекраснѣй—Вечерней Звѣзды.
Много птицъ, много гостій крылатыхъ, летитъ черезъ Море,
Бросивъ берегъ его, направляясь къ другому,
Что вдали гдѣ-то тамъ затерялся среди синевы и тумановъ,—
Но только одну бѣлокрылую чайку
Съ любовью баюкаетъ, точно въ родной колыбели,
Морская волна.
Чайка взлетаетъ къ нависнувшимъ тучамъ,
Чайка умчится въ далекія страны,—
Куда и зачѣмъ, врядъ ли знаетъ сама,—
Но снова, какъ странникъ,
Уставшій бродить въ безпріютныхъ краяхъ,
Прилетитъ она къ синей родимой волнѣ,
Прильнетъ къ ней своей бѣлоснѣжною грудью,—
И Солнце смѣется, взирая на нихъ,
И шлетъ имъ лучистыя ласки.
Такъ и я, разлучившись съ тобой,
О, мой другъ безконечно любимый,
Былъ сердцемъ съ тобой неразлученъ,
Я баюкалъ твой ласковый образъ въ своей трепетавшей груди,
Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
Въ виду береговъ Скандинавіи.

XXIX.

* * *

Есть красота въ постоянствѣ страданія
И въ неизмѣнности скорбной мечты.
Знойнаго яркаго Солнца сіяніе,
Пышной Весны молодыя черты

Въ сердцѣ не такъ вызываютъ сознаніе
Ласки больной, неземной красоты,
Какъ замка сѣдыя руины, печальной Луны трепетаніе,
Застѣнчивыхъ сумерекъ скорбь, или осени грустной листы.

XXX.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Липы душистой цвѣты распускаются...
Спи, моя радость, усни!
Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,
Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,
Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,
И позабудемъ мы прошлые дни,
И позабудемъ мы муку грядущую...
Спи, моя радость, усни!

Бѣдный ребенокъ, больной и застѣнчивый,
Мало на горькую долю твою
Выпало радости, много страданія.
Какъ наклоняется нѣжно къ ручью
Ива плакучая, ива печальная,
Такъ заглянула ты въ душу мою,
Ищешь отвѣта въ ней... Спи! Колыбельную
Я тебѣ пѣсню спою!

О, моя ласточка, о, моя дѣточка,
Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни,
Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,
Крѣпче къ надежному сердцу прильни,

Мы не измѣнимся, мы не разстанемся,
Будемъ мы вмѣстѣ и ночи и дни.
Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся...
Спи, моя радость, усни!

XXXI.

ПѢСНЬ ЮДИѲИ.

ИЗЪ БИБЛІИ.

Пусть кимвалы поютъ,
Пусть тимпаны звучатъ,
Богу Нашему гимнъ,
Стройный гимнъ возгласятъ.
Пойте священныя пѣсни
Въ честь Вседержителя - Бога,
Онъ за народъ Свой смиренный
Поднялъ десницу Свою.

Съ сѣверныхъ горъ, изъ далекой земли,
Полчища вражьи Ассура пришли,
Какъ саранча, не десятки, а тьмы,
Конница ихъ заняла всѣ холмы.

Врагъ грозилъ, что предѣлы мои онъ сожжетъ,
Что мечомъ моихъ юношей онъ истребитъ,
И о камень младенцевъ моихъ разобьетъ,
И расхититъ дѣтей,
И плѣнитъ дочерей,
Дѣвъ прекрасныхъ плѣнитъ.

Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложилъ всѣхъ враговъ Іудейской страны.

Не отъ юношей палъ Олофернъ-великанъ,
Не рукою своей съ нимъ сражался титанъ,
Но Юдиѳь красотою лица своего
Погубила его.

Громче звените, кимвалы,
Пойте звучнѣе, тимпаны,
Господу Нашему Богу
Пѣснь вознесемъ до Небесъ.

XXXII.

Августъ.

сонетъ.

Какъ ясенъ Августъ, нѣжный и спокойный,
Сознавшій мимолетность красоты.
Позолотивъ древесные листы,
Онъ чувства заключилъ въ порядокъ стройный.

Въ немъ кажется ошибкой полдень знойный,—
Съ нимъ больше сродны грустныя мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха отъ жизни безпокойной.

Въ послѣдній разъ, предъ остріемъ серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамѣнъ цвѣтовъ вездѣ плоды земные.

Отраденъ видъ тяжелаго снопа,
А въ небѣ журавлей летитъ толпа,
И крикомъ шлетъ „прости“ въ мѣста родныя.

XXXIII.

* * *

Марусѣ С***.

О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня,
Пока въ твоихъ глазахъ сверкаетъ утро Мая.
Твой голосъ чуть дрожитъ, какъ серебро звеня,
Съ улыбкой на тебя взираетъ мать родная.
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

Вездѣ насъ ждетъ печаль. Мрачна юдоль земная.
Мнѣ страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
Изъ темнаго угла, твоимъ словамъ внимая,
Смотрю я на тебя и Господа молю: —
Пусть будетъ для нея легка стезя земная!

Увы, и предо мной блистали краски дня.
Мой день давно погасъ. Со мною тьма ночная.
И я когда-то пѣлъ, чужую скорбь гоня,
Когда-то и ко мнѣ склонялась мать родная...
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!

XXXIV.

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА *).

1.

Уходятъ дни. И вотъ ужь десять лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ склонилась.
Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
Толпа твоихъ видѣній, о, поэтъ,
Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ нѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ.
Родной страны суровыя мятели
Рыдаютъ скорбно въ сумракѣ ночномъ,
Баюкаютъ тебя въ твоей постели,
И шепчутъ о блаженствѣ неземномъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тьмѣ невзгоды,
Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
Томясь напрасной жаждою свободы,
Переживалъ мучительные годы,
Ты былъ исполненъ думою одной: —

---

*) Было прочитано авторомъ 31-го октября 1893 года въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти И. С. Тургенева.

4.

Кумиръ неволи сбросить съ пьедестала,
Живой волной ударить въ берега,
Сломить ту силу, что умы сковала,—
И ты поклялся клятвой Ганнибала,
Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Плѣняющей печальной красотой,
И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
Средь грубости — любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою плеядой,
Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,
Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой,—
И пала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ, зиждительный и чудный,
Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
И вотъ опять – далекій, многотрудный,
Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ завѣтныя аллеи.
Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордыя цвѣтутъ.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропотъ.
За рощей чуть горитъ Луны эмаль.
И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
И слышенъ чей-то странный, грустный шопотъ.
Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль.

10.

И тамъ вдали, гдѣ роща такъ туманна,
Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой,—
Елена, Маша, Лиза, Маріанна,
И Ася, и несчастная Сусанна—
Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
Созданія любви и красоты,
И дѣвственной, и женственной мечты,
Ихъ вызвалъ къ жизни чистый нѣжный геній,
Онъ далъ имъ форму, краски, и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданій женской любящей души,
Ея завѣтныхъ думъ, нѣмой печали,
Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
Тѣ пѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
Запросамъ тайнымъ громкій далъ отвѣтъ,
Изъ тьмы онъ вывелъ женщину на свѣтъ,
Въ широкій міръ стремленій и сознанья,
На путь живыхъ восторговъ, битвъ, и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
О томъ, кто удалился въ міръ иной,
Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
Здѣсь собралась толпа ему родная,
Съ нимъ слившаяся мыслію одной: —

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
Ужь десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
Но ты, нашъ другъ, учитель, и поэтъ,
Средь насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

ЗАРЯ.

Николаю Ильичу Стороженко.

Брызнули первыя искры разсвѣта,
Дымкой туманной покрылся ручей.
Въ утренній часъ его рокотъ звончѣй.
Ночь умираетъ... И вотъ ужъ одѣта
Въ нерукотворныя ткани изъ свѣта,
Въ поясѣ пышномъ изъ яркихъ лучей,
Мчится Заря благовоннаго лѣта
Изъ-за лѣсовъ и морей,
Медлитъ на высяхъ обрывистыхъ горъ,
Смотрится въ зеркало синихъ озеръ.
Мчится Богиня Разсвѣта.

Слѣдомъ за ней
Легкой гирляндою эльфы несутся,
Хоромъ поютъ: „Пробудилась Заря!"
Эхомъ стократнымъ ихъ пѣсни вездѣ отдаются
Листья другъ къ другу съ безмолвною ласкою жмутся,
Въ небѣ — и блескъ изумруда, и блескъ янтаря,
Нѣжныхъ малиновокъ пѣсни кристальныя льются:
„Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!"

XXXVI.

ДУХИ ЧУМЫ.

Мы спѣшимъ, мы плывемъ
На могучей волнѣ,
Незнакомы со сномъ,
Но всегда въ полуснѣ.

Слезы женъ и дѣтей
Не замѣтитъ нашъ глазъ,
И гдѣ смерть для людей,
Тамъ отрада для насъ.

Нашей властью звучатъ
Панихиды въ церквахъ,
Въ двери къ людямъ стучатъ
Смерть, и гибель, и страхъ.

Между вешнихъ листовъ,
Символъ сгибнувшихъ силъ,
Милліоны крестовъ,
Милліоны могилъ.

Любо нѣжную мать
Умертвить, погубить,
Мы не можемъ ласкать,
Не умѣемъ любить.

Въ эти дни, какъ и встарь,
Каждый мигъ, каждый часъ,
Лучшій даръ на алтарь
Жизнь приноситъ для насъ.

И спѣшимъ, и плывемъ
Мы въ ночной тишинѣ,
Незнакомы со сномъ,
Но всегда въ полуснѣ.

XXXVII.

ЧЕЛНЪ ТОМЛЕНЬЯ.

Князю А. И. Урусову.

Вечеръ. Взморье. Вздохи вѣтра.
Величавый возгласъ волнъ.
Близко буря. Въ берегъ бьется
Чуждый чарамъ черный челнъ.

Чуждый чистымъ чарамъ счастья,
Челнъ томленья, челнъ тревогъ,
Бросилъ берегъ, бьется съ бурей,
Ищетъ свѣтлыхъ сновъ чертогъ.

Мчится взморьемъ, мчится моремъ,
Отдаваясь волѣ волнъ.
Мѣсяцъ матовый взираетъ,
Мѣсяцъ горькой грусти полнъ.

Умеръ вечеръ. Ночь чернѣетъ.
Ропщетъ море. Мракъ ростетъ.
Челнъ томленья тьмой охваченъ.
Буря воетъ въ безднѣ водъ.

XXXVIII.

* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
И взоромъ нѣжныхъ глазъ, и лаской поцѣлуя,
Я долженъ бы тебя всѣмъ сердцемъ презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
Люблю и рвусь къ тебѣ, прощаю и люблю,
Живу одной тобой въ моихъ терзаньяхъ страстныхъ,
Для прихоти твоей я душу погублю,
Все, все возьми себѣ — за взглядъ очей прекрасныхъ,
За слово лживое, что истины нѣжнѣй,
За сладкую тоску восторженныхъ мученій!
Ты, море странныхъ сновъ, и звуковъ, и огней!
Ты, другъ и вѣчный врагъ! Злой духъ и добрый геній!

XXXIX.

ЦВѢТОКЪ.

Умеръ бѣдный цвѣтокъ на груди у тебя,
Онъ навѣки поблекъ и завялъ,
Но онъ умеръ тревожно и нѣжно любя,
Онъ недаромъ страдалъ.

Долго ждалъ онъ тебя на просторѣ полей,
Цѣлый день на груди красовался твоей,
Какъ онъ пышно, какъ чудно, какъ ярко блисталъ,
Онъ недаромъ любилъ и страдалъ.

XL.

* * *

Дышали твои ароматныя плечи,
Упругія груди неровно вздымались,
Твои сладострастныя тихія рѣчи
Мнѣ чѣмъ-то далекимъ и смутнымъ казались

Надъ нами повиснули складки алькова,
За окнами полночь шептала невнятно,
И было мнѣ это такъ чуждо, такъ ново,
И такъ несказанно, и такъ непонятно.

И грезилось мнѣ, что, прильнувъ къ изголовью,
Какъ въ сказкѣ, лежу я подъ райскою сѣнью,
И призрачной былъ я исполненъ любовью,
И ты мнѣ казалась воздушною тѣнью.

Забывъ о борьбѣ, о тоскѣ, о проклятьяхъ,
Какъ нектаръ, тревогу я пилъ неземную,—
Какъ будто лежалъ я не въ грѣшныхъ объятьяхъ,
Какъ будто лелѣялъ я душу родную.

XLI.

ДВА ГОЛОСА.

Скользятъ стрижи въ лазури неба чистой.
— Въ лазури неба чистой горитъ закатъ.—
Въ вечерній часъ какъ нѣженъ лугъ росистый!
—Какъ нѣженъ лугъ росистый, и прудъ, и садъ!—

Вечерній часъ — предчувствіе полно̀чи.
— Въ предчувствіи полно̀чи душа дрожитъ. —
Предъ красотой минутной плачутъ очи.
— Какъ горько плачутъ очи! Какъ мигъ бѣжитъ!

XLII.

ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.

Ландыши, лютики. Ласки любовныя.
Ласточки лепетъ. Лобзанье лучей.
Лѣсъ зеленѣющій. Лугъ расцвѣтающій.
Свѣтлый свободный журчащій ручей.

День догораетъ. Закатъ загорается.
Шопотомъ, ропотомъ рощи полны.
Новый восторгъ воскресаетъ для жителей
Сказочной свѣтлой свободной страны.

Вѣтра вечерняго вздохъ замирающій.
Полной Луны перемѣнчивый ликъ.
Радость безумная. Грусть непонятная.
Мигъ невозможнаго. Счастія мигъ.

XLIII.

РАБСТВО.

СОНЕТЪ.

Ты льнешь ко мнѣ, какъ гибкая лоза,
И всѣ твои движенія красивы,
Твоихъ волосъ капризные извивы
Пышнѣе, чѣмъ полночная гроза.

Настолько же прекрасны, какъ и лживы,
Глубокіе спокойные глаза,
Гдѣ искрится притворная слеза,
Гдѣ видны сладострастные порывы.

Тотъ будетъ твой безвольный рабъ всегда,
Кого ты отравила поцѣлуемъ,
Въ немъ прошлое погибнетъ безъ слѣда,

Въ немъ вѣчно будетъ жгучая вражда
Къ тому, чѣмъ прежде былъ онъ такъ волнуемъ,
Къ святынѣ, что погасла, какъ звѣзда.

XLIV.

КОШМАРЪ.

СОНЕТЪ.

Въ печальный мигъ, въ печальный часъ ночной,
Въ альковѣ пышномъ, полномъ аромата,
Покоилась она передо мной,
Дремотою изнѣженной объята.

И понялъ я, что мнѣ ужь нѣтъ возврата
Къ прошедшему, къ Лазури неземной: —
Я увидалъ не человѣка - брата,
Со мною былъ бездушный звѣрь лѣсной.

Незримыми нѣмыми голосами
Душа моя наполнилася вдругъ
Отъ этихъ губъ, отъ этихъ ногъ и рукъ.

Мгновенія смѣнялися часами,
И видѣлъ я вездѣ — вездѣ вокругъ —
Змѣю съ полузакрытыми глазами.

XLV.

* * *

Нѣтъ, мнѣ никто не сдѣлалъ столько зла,
Какъ женщина, которая твердила
Мнѣ каждый мигъ: „Люблю тебя, люблю!“
Она украдкой кровь мою,
Какъ злой вампиръ, пила,
Она во мнѣ все чистое убила,
Она меня къ могилѣ привела.

Забывъ весь міръ, забывъ, что люди, братья,
Томятся гдѣ-то тамъ, во тьмѣ, вдали,
Я заключилъ въ преступныя объятья
Тебя, злой духъ, тебя, о, перлъ Земли.
Озарены больнымъ сіяньемъ луннымъ,
Окутаны туманной полумглой,
Подобно духамъ тьмы иль звукамъ струннымъ,
Витаемъ мы межъ Небомъ и Землей.

Твой образъ, то насмѣшливый, то милый,
Мнѣ грезится въ какомъ-то смутномъ снѣ,
Цвѣты любви сбирая надъ могилой,
Я вижу, какъ ты гробъ готовишь мнѣ.

Какъ мертвецу, мнѣ чуждо все живое...
Но кто же ты, мой геній неземной,

Во мнѣ зажегшій пламя роковое?
Страдаю я, покуда ты со мной, —
А нѣтъ тебя — и я страдаю вдвое.
Въ твоей душѣ слились добро и зло...
Зачѣмъ твое дыханье огневое
Меня сожгло?

О, какъ прекрасна ты неотразимо,
Какъ властна ты заставить все забыть!
Твой нѣжный смѣхъ — улыбка серафима,
И я тебя не въ силахъ не любить!
Но почему жь во мнѣ неудержимо
Желаніе встаетъ — тебя убить?

XLVI.

ЛАСТОЧКИ.

СОНЕТЪ.

Земля покрыта тьмой. Оконченъ день заботъ.
Я въ царствѣ чистыхъ думъ, живыхъ очарованій.
На башнѣ вдалекѣ протяжно полночь бьетъ,
Часъ тайныхъ встрѣчъ, любви, блаженства, и рыданій.

Невольная въ душѣ тоска ростетъ, ростетъ.
Встаетъ передо мной толпа воспоминаній,
То вдругъ отпрянетъ прочь, то вдругъ опять прильнетъ
Къ груди, исполненной несбыточныхъ желаній.

Такъ въ знойный лѣтній день, надъ гладью водъ рѣчныхъ,
Порою ласточка игриво пронесется,
За ней вослѣдъ толпа сестеръ ея живыхъ,

Веселыхъ спутницъ рой какъ будто бы смѣется,
Щебечутъ громко всѣ,—и каждая изъ нихъ
Лазури водъ на мигъ крыломъ своимъ коснется.

XLVII.

ВЪ СТОЛИЦѢ.

Свѣжій запахъ душистаго сѣна мнѣ напомнилъ далекіе дни,
Невозвратнаго свѣтлаго дѣтства предо мной загорѣлись огни;
Предо мною воскресло то время, когда міръ я безгрѣшно любилъ,
Когда не былъ еще человѣкомъ, но когда уже богомъ я былъ.

Мнѣ снятся родные луга,
И звонкая пѣсня косца,
Зеленаго сѣна стога,
Веселье и смѣхъ безъ конца.
Іюльскаго дня красота,
Зарница іюльскихъ ночей,
И дѣтскаго сердца мечта
Въ сіяньи нездѣшнихъ лучей.
Протяжное пѣнье стрекозъ,
Чуть слышные всплески рѣки,
Роптаніе липъ и березъ,
Въ полуночной тьмѣ свѣтляки.
И все, что въ родной сторонѣ
Меня озарило на мигъ,
Теперь пробудило во мнѣ
Печали пѣвучій родникъ.

И зачѣмъ истомленною грудью я вдыхаю живой ароматъ,
Вспоминая луга съ ихъ раздольемъ, и забытый запущенный садъ?
Свѣжій запахъ душистаго сѣна только болью терзаетъ меня:
Онъ мнѣ душною ночью напомнилъ отлетѣвшія радости дня.

XLVIII.

ГРУСТЬ.

Внемля вѣтру, тополь гнется, съ неба дождь осенній льется,
Надо мною раздается мѣрный стукъ часовъ стѣнныхъ;
Мнѣ никто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
И изъ устъ невольно рвется монотонный грустный стихъ;
И какъ тихій дальній топотъ, за окномъ я слышу ропотъ,
Непонятный странный шопотъ — шопотъ капель дождевыхъ.

Отчего такъ вѣтру скучно? Плачетъ, ноетъ онъ докучно, —
И въ отвѣтъ ему стозвучно капли бьются и бѣгутъ;
Я внемлю, мнѣ такъ же скучно, грусть со мною неразлучна,
Равномѣрно, однозвучно риѳмы стройныя текутъ;
Въ эту пору непогоды, подъ унылый плачъ Природы,
Дни, мгновенья, точно годы — годы медленно идутъ.

XLIX.

* * *

Въ полѣ искрилась роса,
Въ небесахъ царилъ покой,
Молодые голоса
Звонко пѣли за рѣкой.

Но межъ тѣмъ какъ пѣсни звукъ
Озарялъ нѣмую даль,
Точно тѣнь, бродила вкругъ
Неутѣшная печаль.

И, скорбя о трудномъ днѣ,
Гдѣ-то духъ страдалъ людской,
Кто-то плакалъ въ тишинѣ
Съ безконечною тоской.

L.

СМЕРТЬ.

СОНЕТЪ.

Суровый призракъ, демонъ, духъ всесильный,
Владыка всѣхъ пространствъ и всѣхъ временъ,
Нѣтъ дня, чтобъ жатвы ты не снялъ обильной,
Нѣтъ битвы, гдѣ бы ты не бралъ знаменъ.

Ты шлешь очамъ безсоннымъ сонъ могильный,
Несчастному, кто къ пыткамъ присужденъ,
Какъ вольный вѣтеръ, шепчешь въ кельѣ пыльной,
И свѣтъ даришь тому, кто тьмой стѣсненъ.

Ты всѣмъ несешь свой даръ успокоенья,
И даже тѣмъ, кто суетной душой
Исполненъ дерзновеннаго сомнѣнья.

Къ тебѣ, о, царь, владыка, духъ забвенья,
Изъ бездны золъ несется возгласъ мой:—
Приди. Я жду. Я жажду примиренья!

LI.

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомила меня.
Смерть, наклонись надо мной!
Въ небѣ—предчувствіе дня,
Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
Въ утренней дѣвственной мглѣ,
Дубъ залепечетъ съ сосной,
Грустно поникнетъ къ землѣ
Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
Гдѣ-то проснется, звеня...
Въ этотъ таинственный мигъ,
Смерть, убаюкай меня!

Въ Безбрежности

Землю цѣлуй, и неустанно ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступленія сего

Достоевскій

1895. — Зима.

* * *

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вдали раздавались,
Вкругъ меня раздавались отъ Небесъ и Земли.

Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣв сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужь ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня-же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

ЗА ПРЕДѢЛЫ.

Вѣчность движенья
Область моя;
Смерть и рожденье,
Ткань бытія.

Гете, Духъ Земли

I.

БОЛОТНЫЯ ЛИЛІИ.

Поблѣднѣвшіе, нѣжно-стыдливые,
Распустились въ болотной глуши
Бѣлыхъ лилій цвѣты молчаливые,
И вкругъ нихъ шелестятъ камыши.

Бѣлыхъ лилій цвѣты серебристые
Выростаютъ съ глубокаго дна,
Гдѣ не свѣтятъ лучи золотистые,
Гдѣ вода холодна и темна.

И не манятъ ихъ страсти преступныя,
Ихъ волненья къ себѣ не зовутъ;
Для нескромныхъ очей недоступныя,
Для себя они только живутъ.

Проникаясь рѣшимостью твердою
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются съ пышностью гордою
Бѣлыхъ лилій нѣмые цвѣты.

Расцвѣтутъ, и поблекнутъ безстрастныя,
Далеко отъ владѣній людскихъ,
И распустятся снова, прекрасныя,—
И никто не узнаетъ о нихъ.

II.

* * *

Все мнѣ грезится море да небо глубокое,
Безконечная грусть, безграничная даль,
Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стоокое,
Догорающихъ тучекъ нѣмая печаль.

Все мнѣ чудится вздохъ камыша почернѣлаго,
Глушь родимыхъ лѣсовъ, заповѣдный затонъ,
И надъ озеромъ пѣніе лебедя бѣлаго,
Точно сердца несмѣлаго жалобный стонъ.

III.

НА ДАЛЬНЕМЪ ПОЛЮСѢ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ Солнце никогда
Огнемъ своихъ лучей цвѣты не возрощаетъ,
Гдѣ въ мертвомъ воздухѣ оплоты изо льда
Безумная Луна, не грѣя, освѣщаетъ,—

Въ предѣлахъ Сѣвера тоскуетъ Океанъ
Неумирающимъ безцѣльнымъ рокотаньемъ,
И, точно вспугнутый, крутится ураганъ,
И вдаль уносится со вздохомъ и съ рыданьемъ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ жизнь и смерть — одно,
Моментъ спокойствія предъ вечеромъ подкрался: —
Все было яркимъ сномъ лучей озарено,
И только Океанъ угрюмо волновался.

Но вотъ застылъ и онъ. Была ясна вода,
Огнистая, она терялася въ пространствѣ,
И, какъ хрустальные нѣмые города,
Вздымались глыбы льдовъ — въ нетронутомъ убранствѣ.

И точно вопрошалъ пустынный міръ: „За что?“
И красота кругомъ безсмертная блистала,
И этой красоты не увидалъ никто,
Увы, она сама себя не увидала.

И быстротечный мигъ былъ полонъ странныхъ чаръ,—
Полуугасшій день обнялся съ Океаномъ.
Но жизни не было. И Солнца красный шаръ
Тонулъ въ безстрастіи, склоняясь къ новымъ странамъ.

IV.

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глуши
Чуть слышно, безшумно, шуршатъ камыши.

О чемъ они шепчутъ? О чемъ говорятъ?
Зачѣмъ огоньки между ними горятъ?

Мелькаютъ, мигаютъ,—и снова ихъ нѣтъ.
И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порой камыши шелестятъ.
Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистятъ.

Въ болотѣ дрожитъ умирающій ликъ.
То Мѣсяцъ багровый печально поникъ.

И тиной запахло. И сырость ползетъ.
Трясина заманитъ, сожметъ, засосетъ.

„Кого? Для чего?“ — камыши говорятъ.
„Зачѣмъ огоньки между нами горятъ?“

Но Мѣсяцъ печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой ликъ.

И, вздохъ повторяя погибшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршатъ камыши.

V.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНЬЯ.

СОНЕТЪ.

На днѣ морскомъ подводныя растенья
Распространяютъ блѣдные листы,
И тянутся, ростутъ какъ привидѣнья,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ міръ безвѣстной высоты,
Имъ хочется любви, лучей, волненья,
Имъ снятся ароматные цвѣты.

Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчитъ кругомъ холодная вода.
Акулы проплываютъ иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта,
И сверху посылаетъ зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

VI.

ПУСТЫНЯ.

Я видѣлъ норвежскіе фьорды съ ихъ жесткой бездушной красой,
Я видѣлъ долину Арагвы, омытую свѣжей росой,
Исландіи берегъ холодный, и Альпъ снѣговые хребты,—
Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующихъ горъ
Лишь краткой окутаютъ лаской, на мигъ убаюкаютъ взоръ,
А образъ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
Войдя, не выходитъ изъ сердца, навѣкъ отравляетъ мечты.

Въ молчаньи песковъ безпредѣльныхъ я слышу невѣдомый шумъ,
Какъ будто въ дали неоглядной встаетъ и крутится самумъ,
Встаетъ, и бѣжитъ, пропадаетъ,—и снова молчанье ростетъ,
И снова миражъ лучезарный обманно узоры плететъ.

И манитъ куда-то далеко незримая чудная власть,
И мысль поднимается къ Небу, чтобъ снова безсильно упасть:
Какъ будто бы Жизнь задрожала, съ напрасной мечтой и борьбой,
И Смерть на нее наступила своею тяжелой стопой.

VII.

ЗМѢИНЫЙ ГЛАЗЪ.

Датскому лирику Тору Ланге

Огней полночныхъ караванъ
Въ степи Небесъ плыветъ.
Но кто меня въ ночной туманъ
Такъ ласково зоветъ?

Зачѣмъ отъ сердца далека
Мечта о Небесахъ?
Зачѣмъ дрожитъ моя рука?
Зачѣмъ такъ манитъ прахъ?

Болото спитъ. Ночная тишь
Ростетъ и все ростетъ.
Шуршитъ загадочно камышъ,
Змѣиный глазъ цвѣтетъ.

Змѣиный глазъ глядитъ, ростетъ,
Его лелѣетъ Ночь.
Къ нему кто близко подойдетъ,
Уйти не можетъ прочь.

Онъ смутно слышитъ свистъ змѣи,
Какъ нѣжный близкій зовъ,
Онъ еле видитъ въ забытьи
Огни иныхъ міровъ.

Не манитъ блескъ былыхъ утѣхъ,
Далекъ живой родникъ.
Въ болотѣ слышенъ чей-то смѣхъ,
И чей-то слабый крикъ.

VIII.

ГИБЕЛЬ.

Предчувствіемъ бури окутанъ былъ садъ.
Сильнѣй заструился цвѣтовъ ароматъ.
Узлистые сучья какъ змѣи сплелись.
Змѣистыя молніи въ тучахъ зажглись.

Какъ хохотъ стократный, громовый раскатъ
Смутилъ, оглушилъ зачарованный садъ.
Свернулись, закрылись цвѣтовъ лепестки.
На тонкихъ осинахъ забились листки.

Запрыгалъ мелькающій бѣшеный градъ.
Врасплохъ былъ захваченъ испуганный садъ.
Съ грозою обняться и слиться хотѣлъ.
Погибъ—и упиться грозой не успѣлъ.

IX.

* * *

Е. А. Варженевской.

Вечерній свѣтъ погасъ.
Чуть дышетъ гладь воды.
Насталъ завѣтный часъ
Для искристой Звѣзды.

Она теперь горитъ,
Окутанная мглой,
И свѣтомъ говоритъ
Не съ Небомъ, а съ Землей.

Увидѣла она,
Какъ тамъ внизу темно,
Какъ сладко спитъ волна,
Какъ спитъ рѣчное дно.

И вотъ во мглѣ, вдали,
Открывъ лицо свое,
Кувшинки расцвѣли
И смотрятъ на нее.

Они горятъ въ ночи,
Ихъ нѣжитъ гладь воды,
Ласкаютъ ихъ лучи
Застѣнчивой Звѣзды.

И будутъ надъ водой
Всю ночь они горѣть,
Чтобъ съ Утренней Звѣздой
Стыдливо умереть.

X.

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

Исполинскія горы,
Заповѣдныя скалы,
Вы—земные узоры,
Вы—вселенной кристалы.

Вы всегда благородны,
Неизмѣнно прекрасны,
Отъ стремленій свободны,
Къ человѣку безстрастны.

Вы простерли изломы,
Обрамленные мохомъ,
Вы съ борьбой незнакомы,
Незнакомы со вздохомъ.

Вы спокойно безмолвны,
Васъ не тронутъ рыданья,
Вы—застывшія волны
Отъ временъ Міозданья.

XI.

КОВЫЛЬ.

И. А. Бунину

Точно призракъ умирающій,
На степи ковыль качается,
Смотритъ Мѣсяцъ догорающій,
Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
По пространству неоглядному,
И непрочныя, минутныя,
Что-то шепчутъ вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
Исчезаетъ за туманами,
Утонувшее минувшее
Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяцъ меркнетъ, омрачается,
Догорающій и тающій,
И, дрожа, ковыль качается,
Точно призракъ умирающій.

XII.

ОКЕАНЪ.

СОНЕТЪ.

Валерію Брюсову.

Вдали отъ береговъ Страны Обѣтованной,
Храня на днѣ души надежды блѣдный свѣтъ,
Я волны вопрошалъ, и Океанъ туманный
Угрюмо рокоталъ и говорилъ въ отвѣтъ.

„Забудь о свѣтлыхъ снахъ. Забудь. Надежды нѣтъ.
„Ты ввѣрился мечтѣ обманчивой и странной.
„Скитайся дни, года, десятки, сотни лѣтъ,—
„Ты не найдешь нигдѣ Страны Обѣтованной“.

И вдругъ понявъ душой всѣхъ дерзкихъ сновъ обманъ,
Охваченъ пламенной, но безутѣшной думой,
горько вопросилъ безбрежный Океанъ,—

Зачѣмъ онъ страстныхъ бурь питаетъ ураганъ,
Зачѣмъ волнуется,—но Океанъ угрюмый,
Свой ропотъ заглушивъ, окутался въ туманъ.

XIII.

* * *

Вѣчно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
Оба окутаны свѣтомъ мертвенно-блѣдной Луны.
Вѣтеръ въ пространствѣ смутился, смолкъ въ безутѣшномъ просторѣ,
Небо, и Вѣтеръ, и Море грустью одною больны.

Въ холодѣ гибнетъ и меркнетъ все, что глубоко и нѣжно,
Въ ужасѣ Небо застыло, странно мерцаетъ Луна.
Горькая влага бездонна, Море синѣетъ безбрежно,
Скорбь бытія неизбѣжна, нѣтъ и не будетъ ей дна.

XIV.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спитъ. Молчитъ вода зеркальная.
Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
Чья-то пѣсня слышится, печальная,
Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
Онъ съ своимъ прошедшимъ говоритъ,
А на небѣ вечеръ догорающій
И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
Отчего такъ бьется эта грудь?
Въ этотъ мигъ душа его желала бы
Невозвратное вернуть.

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ,
Точно онъ у озера родимаго
О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
Что предъ смертью, вѣчной, примиряющей,
Видѣлъ правду въ первый разъ.

XV.

БЕЗПРІЮТНОСТЬ.

СОНЕТЪ.

Меня не манитъ тихая отрада,
Покой, тепло родного очага,
Не снятся мнѣ цвѣты родного сада,
Родимые безмолвные луга.

Краса иная сердцу дорога,
Я слышу ревъ и рокотъ водопада,
Мнѣ грезятся морскіе берега,
И горъ неумолимая громада.

Среди другихъ обманчивыхъ утѣхъ
Есть у меня завѣтная утѣха:
Забыть, что значитъ плачъ, что значитъ смѣхъ, —

Будить въ горахъ грохочущее эхо,
И въ бурю созерцать, подъ громъ и вой,
Величіе пустыни міровой.

XVI.

НАДЪ ПУЧИНОЙ МОРСКОЙ.

Фаинѣ ***.

Надъ пучиной морской, тяготѣя, повисла скала,
У подножья скалы бьются волны толпой неустанной,
Грѣетъ зной ея камни, къ ней ластятся вѣтеръ и мгла,
Но безмолвна она — въ часъ ночной, въ часъ зари златотканной.

Бѣлоснѣжная тучка мелькнетъ и растаетъ надъ ней,
Прощебечетъ блуждающихъ птицъ перелетная стая,
Загорится, забрезжитъ за моремъ звѣзда золотая,
Небо вспыхнетъ въ отвѣтъ миріадами синихъ огней.

Но не видя, не внемля, гранитная дремлетъ громада,
Если жь волны сильнѣе нахлынутъ, журча и звеня,
Словно шепчетъ она еле слышно: „Не надо... не надо...
„Утишите волненье свое... Не будите меня...“

XVII.

ВЪ ПЕЩЕРѢ.

Въ пещерѣ угрюмой, подъ сводами скалъ,
Гдѣ свѣточъ дневной никогда не сверкалъ,
Иду я на-ощупь, не видно ни зги,
И гулко во тьмѣ отдаются шаги.

И кто-то со мною какъ будто идетъ,
Ведетъ въ лабиринтѣ впередъ и впередъ.
И, вскрикнувъ, я слышу, какъ тотчасъ вокругъ,
Отвѣтный, стократный, разносится звукъ.

Скользя по уступамъ, иду безъ конца,
Невольно мнѣ чудится очеркъ лица,
Невольно хочу я кого-то обнять,
Кого, — не могу и не смѣю понять.

Но тщетно безумной томлюсь я тоской: —
Лишь голые камни хватаю рукой,
Лишь чувствую сырость на влажной стѣнѣ, —
И ужасъ вливается въ сердце ко мнѣ.

„Кто шепчетъ?“ — кричу я. „Ты другъ мнѣ? Приди!“
И голосъ гремитъ и хохочетъ: „Иди!“
И въ страхѣ кричу я: „Скажи мнѣ, куда?“
И съ хохотомъ голосъ гремитъ: „Никуда!“

Безплодно скитанье въ пустынѣ земной,
Близнецъ мой, страданье, повсюду со мной.
Гдѣ выходъ, не знаю, — въ пещерѣ темно,
Все слито въ одно роковое звено.

XVIII.

АЮДАГЪ.

Синѣетъ ширь морская, чернѣетъ Аюдагъ.
Тѣснится изъ-за моря, ростетъ, густѣетъ мракъ
Холодный вѣтеръ вѣетъ, туманы поднялись,
И звѣзды между тучекъ чуть видныя зажглись.

Неслышно Ночь ступаетъ, вступаетъ въ этотъ мiръ,
И таинство свершаетъ, и шествуетъ на пиръ.
Безмолвiе ей шепчетъ, что дню пришелъ конецъ,
И звѣзды ей сплетаютъ серебряный вѣнецъ.

И все полнѣй молчанье, и все чернѣе мракъ.
Застылъ, какъ изваянье, тяжелый Аюдагъ.
И Ночь, смѣясь, покрыла весь мiръ своимъ крыломъ,
Чтобъ тотъ, кто настрадался, вздохнулъ предъ новымъ зломъ

XIX.

* * *

Въ этой жизни смутной
Насъ повсюду ждетъ —
За восторгъ минутный—
Долгой скорби гнетъ.

Радость совершенства
Смѣшана съ тоской.
Есть одно блаженство: —
Мертвенный покой.

Жажду наслажденья
Въ сердцѣ побѣди,
Усыпи волненья,
Ничего не жди.

XX.

***

Нѣтъ, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,
Въ сердцѣ волненье ростетъ и ростетъ!
Можетъ ли вѣтеръ свободный кому покориться?
Можетъ ли звѣздъ не блистать хороводъ?

Нѣтъ, мнѣ не нужно покоя, не нужно забвенья,
Если же счастіе намъ не дано,—
Въ море отчаянья, въ темную бездну мученья
Брошусь на самое дно!

XXI.

ВЪ ЧАСЪ РАЗСВѢТА.

Надъ ущельемъ осторожнымъ, межь тревожныхъ чуткихъ скалъ,
Перекличкѣ горныхъ духовъ въ часъ разсвѣта я внималъ.
Со скалы къ скалѣ срывался, точно зовъ, неясный звукъ.
Освѣженный, улыбался, пробуждался міръ вокругъ.

Гдѣ-то серна пробѣжала, гдѣ то коршунъ промелькнулъ,
Оборвался тяжкій камень, между скалъ раздался гулъ.
И гнѣздится, и клубится легкій паръ, источникъ тучъ,
Зацѣпляясь, проползаетъ по уступамъ влажныхъ кручъ.

И за гранью отдаленной,— радость горъ, долинъ, полей,—
Открываетъ ликъ побѣдный, все полнѣй и все свѣтлѣй,
Ярко-красное Свѣтило расцвѣтающаго дня,
Какъ цвѣтокъ садовъ гигантскихъ, полный жизни и огня.

XXII.

ВѢТЕРЪ.

Я жить не могу настоящимъ,
Я люблю безпокойные сны,
Подъ солнечнымъ блескомъ палящимъ,
И подъ влажнымъ мерцаньемъ Луны.
Я жить не хочу настоящимъ,
Я внимаю намекамъ струны,
Цвѣтамъ и деревьямъ шумящимъ,
И легендамъ приморской волны.

Желаньемъ томясь несказаннымъ,
Я въ неясномъ грядущемъ живу,
Вздыхаю въ разсвѣтѣ туманномъ,
И съ вечернею тучкой плыву.
И часто въ восторгѣ нежданномъ
Поцѣлуемъ тревожу листву.
Я въ бѣгствѣ живу неустанномъ,
Въ ненасытной тревогѣ живу.

XXIII.

ПРИЗРАКИ.

Шелестъ листьевъ, шопотъ травъ
Переплескъ рѣчной волны,
Ропотъ вѣтра, гулъ дубравъ,
Ровный блѣдный блескъ Луны.

Словно въ дѣтствѣ предо мною,
Надъ рѣчною глубиною,
Нимфы блѣдною гирляндой обнялись, переплелись.
Брызнутъ пѣной, разомкнутся,
И опять плотнѣй сожмутся,
Опускаясь, поднимаясь, на волнѣ и вверхъ и внизъ.

Шепчутъ темныя дубравы,
Шепчутъ травы про забавы
Этихъ блѣдныхъ, этихъ нѣжныхъ обитательницъ волны.
Къ нимъ изъ дали неизвѣстной
Опустился эльфъ чудесный,
Какъ на нити золотистой, на прямомъ лучѣ Луны.

Выше истины земной,
Обольстительнѣе зла,
Эта жизнь въ тиши ночной,
Эта призрачная мгла.

XXIV.

ЗАРОЖДЕНІЕ РУЧЬЯ.

На вершинѣ скалы, гдѣ потокомъ лучей
Солнце жжетъ горячѣй, гдѣ гнѣздятся орлы,
Изъ тумановъ и мглы зародился ручей,
Все звончѣй и звончѣй по уступамъ скалы
Онъ волной ударялъ, и гранитъ повторялъ
Мѣрный отзвукъ на звукъ, возникавшій вокругъ.

Какъ прозрачный кристалъ, какъ сверкающій лучъ,
Перемѣнчивый ключъ межъ камней трепеталъ,
На гранитѣ блисталъ, и красивъ, и пѣвучъ,
Жаждой жизни могучъ, онъ отъ счастья рыдалъ,
И кричали орлы, на уступахъ скалы,
У истоковъ ручья, въ торжествѣ бытія.

XXV.

ДУХЪ ВѢТРОВЪ.

Духъ вѣтровъ, Зефиръ игривый
Прошумѣлъ среди листовъ,
Прикоснулся шаловливый
Къ нѣжнымъ чашечкамъ цвѣтовъ.

И шепнулъ неуловимый,
И волною шевельнулъ,
Къ арфѣ звучной и незримой
Дланью быстрою прильнулъ.

И съ безпечностью ребенка,
Не заботясь ни о чемъ,
Онъ игралъ легко и звонко
Въ ясномъ воздухѣ ночномъ

И влюбленныя наяды
Показались изъ волны,
И къ нему кидали взгляды
Въ свѣтѣ гаснущей Луны.

Нимфа съ нимфою шепталась,
О блаженствѣ говоря.
А за Моремъ пробуждалась
Розоперстая заря.

XXVI.

* * *

А. М. Ѳедорову

Вѣтеръ перелетный обласкалъ меня
И шепнулъ печально: „Ночь сильнѣе дня".
И закатъ померкнулъ. Тучи почернѣли.
Дрогнули, смутились пасмурныя ели.

И надъ темнымъ моремъ, гдѣ крутился валъ,
Вѣтеръ перелетный зыбью пробѣжалъ.
Ночь царила въ мірѣ. А межъ тѣмъ далеко,
За моремъ зажглося огненное око.

Новый распустился въ небесахъ цвѣтокъ,
Свѣтомъ возрожденнымъ заблисталъ Востокъ.
Вѣтеръ измѣнился, и пахнулъ мнѣ въ очи,
И шепнулъ съ усмѣшкой: „День сильнѣе ночи".

XXVII.

РУЧЕЙ.

(съ восточнаго).

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
Пусть ты скованъ цѣпями суровой зимы,
Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй,
На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутьмы.

И свободный отъ мертвыхъ бездушныхъ оковъ,
Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
И на твой жизнерадостный сладостный зовъ
Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шелестъ листка, вѣтерка поцѣлуй
Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
И застѣнчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
На себя будетъ любо украдкой взглянуть

Вся земля оживится подъ лаской лучей,
И безслѣдно растаютъ оковы зимы.
Что жь ты плачешь, скорбящій звенящій ручей,
Что жь ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?

XXVIII.

* * *

Утомленное Солнце, стыдясь своего утомленья,
Раскраснѣвшійся ликъ наклонило и скрыло за лѣсомъ,
Гдѣ чуть дышетъ, чуть шепчетъ въ вѣтвяхъ вѣтерка дуновенье
Гдѣ листва чуть трепещетъ въ лучахъ изумруднымъ навѣсомъ

Распростертую Землю ласкало дневное Свѣтило,
И ушло на покой, но Земля не насытилась лаской,
И съ блѣднѣющимъ Мѣсяцемъ Солнцу она измѣнила,
И любовь ихъ зажглась обольстительной новою сказкой.

Вся небесная даль озарилась улыбкой стыдливой,
На фіалкахъ лѣсныхъ заблистали росою слезинки,
Зашепталась рѣчная волна съ серебристою ивой,
И, качаясь на влагѣ, другъ другу кивали кувшинки.

XXIX.

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
Взволнованнаго Моря!
Какъ сводъ Небесъ угрюмъ,
Какъ бьются тучи, споря!

О чемъ шумитъ волна,
О чемъ протяжно стонетъ?
И чья тамъ тѣнь видна,
И кто тамъ въ Морѣ тонетъ?

Гремитъ морской прибой,
И дологъ вой упорный:
„Идемъ, идемъ на бой,
„На бой съ Землею черной!

„Разрушимъ грань Земли,
„Покроемъ все водою!
„Внемли, Земля, внемли,
„Нашъ крикъ грозитъ бѣдою!

„Мы все зальемъ, возьмемъ,
„Поглотимъ жадной бездной,
„Громадой волнъ плеснемъ,
„Взберемся въ міръ надзвѣздный!“

„Шуми, греми, прибой!“
И стонутъ всплески смѣха.
„Идемъ, идемъ на бой!“ —
„На бой“—грохочетъ эхо.

XXX.

МОРСКОЕ ДНО.

СОНЕТЪ.

Съ морского дна безмолвные упреки
Доносятся до ласковой Луны —
О томъ, что эти области далеки
Отъ воздуха, отъ вольной вышины.

Тамъ все живетъ, тамъ звученъ плескъ волны,
А здѣсь на жизнь лишь блѣдные намеки,
Здѣсь вѣчный сонъ, пустыня тишины,
Пучины Моря мертвенно-глубоки.

И вотъ Луна, проснувшись въ высотѣ,
Поитъ огнемъ кипучіе приливы,
И волны рвутся къ дальней Красотѣ.

Луна горитъ, играютъ переливы,—
Но тамъ, подъ блескомъ волнъ, морское дно
По-прежнему безжизненно-темно.

XXXI.

* * *

Е. Н. Лисагоровской.

Кто это ходитъ въ ночной тишинѣ,
Кто это бродитъ при блѣдной Лунѣ?

Сонныя вѣтви рукою качаетъ,
Вздохомъ протяжнымъ на вздохъ отвѣчаетъ

Кто надъ нѣмою дремою стоитъ,
Влажнымъ дыханіемъ травы поитъ?

Чье это видно лучистое око —
Ближе и ближе—и снова далеко?

Слышно, какъ старыя сосны шумятъ,
Слышенъ гвоздики ночной ароматъ.

Въ сонномъ болотѣ знакомыя травы
Больше не дышутъ дыханьемъ отравы.

Тише! Останься, помедли со мной!
Кто ты,— не знаю, о, призракъ ночной.

Сладко съ тобой подъ Луною встрѣчаться,
Съ призракомъ —призракомъ легкимъ качаться.

Что же ты вновь убѣгаешь, скользя,—
Или намъ ближе обняться нельзя?

Или подвластны мы чарамъ запрета
Въ царствѣ холоднаго луннаго свѣта?

Кто жь это гонится тамъ за тобой?—
Призракъ сверкаетъ блестящей стопой.

Легкимъ видѣніемъ тѣнь убѣгаетъ,—
Только на небѣ зарница мелькаетъ.

XXXII.

ОСТРОВЪ ЦВѢТОВЪ.

Графинѣ Е. Н. Толстой.

Жемчужина морей,
Цвѣтущій Островъ дремлетъ,
И въ пышности своей
Волнамъ влюбленнымъ внемлетъ.

Надъ нимъ — просторъ Небесъ,
Кругомъ — пустыня Моря,
На немъ зеленый лѣсъ
Шумитъ, прибою вторя.

Здѣсь нѣтъ людскихъ слѣдовъ,
Здѣсь легкій вѣтеръ вѣетъ,
Онъ чашечки цвѣтовъ
Дыханіемъ лелѣетъ.

Безмолвные цвѣты —
Властители пространства,
И жаждой красоты
Живетъ цвѣтовъ убранство

И вотъ за гранью горъ
Встаетъ дворецъ Востока,—
Украшенъ травъ коверъ
Цвѣтами златоока.

И снова въ свой чередъ
Вздохнетъ Закатъ усталый,
И берегъ вновь цвѣтетъ,
Лазурный, желтый, алый.

Проходитъ жизнь какъ сонъ,
Разсвѣтъ, какъ прежде, пышенъ,
Полетъ сѣдыхъ временъ
Надъ Островомъ не слышенъ.

Лучи съ Небесъ глядятъ,
И кротокъ свѣтъ Заката,
Цвѣты лучамъ кадятъ
Струями аромата.

Кадильница морей,
Цвѣтами Островъ дышетъ,
А вѣтеръ сѣть вѣтвей
Колышетъ и колышетъ.

XXXIII.

ТУМАНЫ.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
Ползли, холодные, надъ мертвою травой,
И блѣдные цвѣты шепталися другъ съ другомъ,
Скорбя застывшею листвой.

Они хотѣли жить, блистая лепестками,
Вздыхать, дышать, горѣть, лелѣять ароматъ,
Любиться съ пчелами, дрожать подъ мотыльками,
Изъ міра сдѣлать пышный садъ.

Они изнемогли подъ сыростью тумана,
И жаждали зари, и жаждали огня,
И плакали, что смерть приходитъ слишкомъ рано,
Что поздно вспыхнутъ краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
Воздушнымъ кораблемъ повисли надъ землей,
И вѣтры буйные, смѣясь, его качали,
И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.

Все жарче день пылалъ сверкающимъ привѣтомъ,
Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча,—
И облако зажглось, пронизанное свѣтомъ
Непобѣдимаго луча!

XXXIV.

ЧАХЛЫЯ СОСНЫ.

Хмурятся скалы, оплоты земной тишины:
Вѣтеръ въ пролетахъ свиститъ отъ стѣны до стѣны.

Таинство жизни трепещетъ средь мертвыхъ камней,
Что-то забилось, какъ будто бы тѣни тѣней.

Чахлыя сосны ростутъ на отвѣсной стѣнѣ,
Шепчутъ подъ Солнцемъ, и зябнутъ при тусклой Лунѣ.

Хочется соснамъ на горную высь посягнуть:
Цѣпкіе корни въѣдаются въ твердую грудь.

Скупо ихъ кормятъ бездушныя глыбы скалы.
Съ жадными криками носятся сверху орлы.

Чахлыя сосны безъ влаги ростутъ и ростутъ.
Чахлыя сосны къ Лазури дорогу найдутъ!

ЛЮБОВЬ И ТѢНИ ЛЮБВИ.

Amore e'l cor gentil sono una cosa.

Dante.

Воспоминанье граничитъ съ раскаяньемъ.

Бальмонтъ.

I.

* * *

Въ пустынѣ безбрежнаго Моря
Я островъ нашелъ голубой,
Гдѣ, арфѣ невидимой вторя,
И ропщетъ и плачетъ прибой.

Тамъ есть позабытая вилла,
И, точно видѣніе, въ ней
Гадаетъ сѣдая Сибилла,
Въ мерцаньи невѣрныхъ огней.

И тотъ, кто взойдетъ на ступени,
Предъ Вѣщей преклонится ницъ,—
Увидитъ поблекшія тѣни
Знакомыхъ исчезнувшихъ лицъ.

И кто, преклоняясь, замѣтитъ,
Какъ тускло змѣятся огни,
Тотъ взглядомъ сильнѣй ихъ засвѣтитъ,—
И вспомнитъ погибшіе дни.

И жаднымъ впиваяся взоромъ
Въ черты безтѣлесныхъ тѣней,
Внимая беззвучнымъ укорамъ,
Что бури громо́вой слышнѣй,—

Онъ вскрикнетъ, и кинется страстно
Туда, гдѣ былая стезя...
Но тѣни пройдутъ безучастно,
И съ ними обняться—нельзя.

XXXVI.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,
Для меня блистало Солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
Эльфы свѣтлые скликались, и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей Лунѣ,
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи,
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

III.

НОЧЬ.

Скоро на небѣ Мѣсяцъ проглянетъ.
Листья застыли. Время уснуть.
Ночь пронесется. Утро настанетъ.
Снова забота сдавитъ намъ грудь.

Птички замолкли. Другъ безпріютный,
Птички заснули, — что жь ты не спишь?
Сердцемъ отдайся грезѣ минутной.
Въ Небѣ глубокомъ звѣздная тишь.

Скоро двурогій Мѣсяцъ засвѣтитъ.
Слышишь, какъ дышетъ, шепчетъ сирень?
Сумракъ полночный мыслямъ отвѣтитъ.
Тьма насъ ласкаетъ. Кончился день.

Что же ты плачешь? Видишь—мы рядомъ.
Будемъ другъ друга тихо любить.
Что-же ты смотришь горестнымъ взглядомъ?
Или не можешь полдень забыть?

Все, что смущало, все, чѣмъ обманутъ,
Встало волною, плещется въ грудь.
Звѣзды свѣтить намъ дважды не станутъ.
Ночь убываетъ. Сновъ не вернуть.

Сѣрая чайка плачетъ надъ моремъ.
Въ Небѣ свинцовомъ тусклая мгла.
Ахъ, не разстаться съ тягостнымъ горемъ!
Гдѣ-же мы были? Ночь ужь прошла.

IV.

БАЮШКИ-БАЮ.

Спи, моя печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Вѣчно молчаливая.
Я тебѣ спою
Баюшки-баю.

Съ радостью свиданія
Къ намъ идутъ страданія,
Лучше—отреченіе,
Скорбь, самозабвеніе.
　　Счастія не жди,
　　Въ сердце не гляди.
Въ жизни кто оглянется,
Тотъ во всемъ обманется,
Лучше безразсудными
Жить мечтами чудными.
　　Жизнь проспать свою.
　　Баюшки-баю.
Гдѣ-то море пѣнится,
И оно измѣнится,
Утомится шумное,
Шумное, безумное.
　　Будетъ подъ Луной
　　Чуть дышать волной.
Спи же, спи, печальная,
Спи, многострадальная,
Грустная, стыдливая,
Птичка боязливая.
　　Я тебѣ пою
　　Баюшки-баю.

V.

* * *

Не могу я забыть неотступный укоръ,
Что застылъ въ глубинѣ неподвижныхъ очей,
Онъ повсюду со мной, этотъ мертвенный взоръ,
И въ сіяніи дня, и въ молчаньи ночей.

Всюду вижу ее, хоть ея уже нѣтъ,
Съ кѣмъ когда-то восторгъ и страданье дѣлилъ,
Ту, въ чьемъ сердцѣ всегда находилъ я отвѣтъ,
Ту, кого я ласкалъ и, лаская, убилъ.

Сколько разъ я внималъ рокотанью морей,
Сколько разъ уходилъ въ безмятежіе горъ,
Но во мракѣ ночномъ и въ сіяньи лучей
Предъ собой я встрѣчалъ укоризненный взоръ.

Всюду вижу, какъ сонъ — запрокинутый трупъ,
Онъ молчитъ, онъ живетъ выраженьемъ лица,
И усмѣшкой нѣмой исказившихся губъ
Онъ со мной говоритъ — говоритъ безъ конца.

VI

* * *

День за днемъ ускользаетъ несмѣло,
Ночи стелютъ свой черный покровъ.
Снова полночь нѣмая приспѣла,
Слышенъ бой колокольныхъ часовъ.

Гулкій звукъ разростается, стонетъ,
Заунывнымъ призывомъ звучитъ,
И въ застывшемъ безмолвіи тонетъ, —
пустынная полночь молчитъ.

Мѣдный говоръ такъ долго тянулся,
Что, казалось, не будетъ конца.
И какъ-будто вдали улыбнулся
Милый очеркъ родного лица.

И забылся весь ужасъ изгнанья,
Засвѣтился родимый очагъ...
Но мгновенно настало молчанье,
Неоглядный раскинулся мракъ.

Дверь открылась, и снова замкнулась,
Лучъ блеснулъ, и его не видать,—
И безсильно въ груди шевельнулось
То, чему не бывать, не бывать.

VII.

* * *

Мы шли въ золотистомъ туманѣ,
И выйти на свѣтъ не могли,
Тонули въ нѣмомъ Океанѣ,
Какъ тонутъ во мглѣ корабли.

Намъ снились видѣнія Рая,
Чужіе лѣса и луга,
И прочь отъ родимаго края
Иные влекли берега.

Стремясь ускользающимъ взглядомъ
Къ предѣламъ безвѣстной земли,
Дышали съ тобою мы рядомъ,
Но былъ я какъ-будто вдали.

И лгали намъ вѣтры и тучи,
Смѣялись извивы волны,
И были такъ странно пѣвучи
Беззвучные смутные сны.

И мы безконечно тонули,
Стремяся отъ влаги къ землѣ—
И звѣзды печально шепнули,
Что мы утонули во мглѣ.

VII.

ОАЗИСЪ.

Ты была какъ оазисъ въ пустынѣ,
Ты мерцала стыдливой звѣздой,
Ты Луною зажглась золотой,
И тебѣ, недоступной богинѣ,
Отдавалъ я мечту за мечтой.

Я рѣшился въ желанiи смѣломъ
По кремнистой дорогѣ идти
И не медлить нигдѣ на пути,
Ты казалась мнѣ высшимъ предѣломъ,
За который нельзя перейти.

И потомъ... О, какое мученье!
Къ недоступному доступъ найденъ.
Я какъ жалкiй ребенокъ смущенъ.
Гдѣ любовь, гдѣ восторгъ упоенья?
Все прошло, ускользнуло, какъ сонъ.

Я мечты отдавалъ не богинѣ,
Ты какъ всѣ, ты — земля на землѣ,
Я одинъ въ удушающей мглѣ.
Я очнулся въ безплодной пустынѣ,
Я проснулся на жесткой скалѣ.

IX.

* * *

Колеблются стебли зеленой долины,
Ихъ краситъ цвѣтовъ разноцвѣтный уборъ.
А справа и слѣва дымятся вершины,
Дымятся вершины торжественныхъ горъ.

Я бросилъ свой домъ, онъ исчезъ за горами,
Оставилъ навѣки родную семью.
Подъ Небомъ глубокимъ съ его облаками,
Межъ горъ многоснѣжныхъ, въ раздумьи стою.

Я жду, чтобы брызнули краски разсвѣта,
Чтобъ легкій отъ горъ удалился дымокъ.
Но въ сердцѣ напрасно ищу я отвѣта,
Гдѣ Западъ и Сѣверъ, гдѣ Югъ и Востокъ.

Я жду. Все воздушнѣй оттѣнки Лазури.
Надъ сонной долиной — нѣмой полусвѣтъ.
Блѣднѣютъ обрывки умолкнувшей бури.
И вотъ загорается гдѣ-то разсвѣтъ.

Блеснули цвѣты пробужденной долины.
Въ небесномъ пространствѣ заискрился день.
Но съ лѣвой горы, съ недоступной вершины,
Легла на меня исполинская тѣнь.

Я сталъ удаляться отъ тѣни угрюмой,
Но тѣнь, выростая, скользила за мной.
Долина блистала смѣющейся думой,
А я былъ преслѣдуемъ тьмою ночной.

И вспыхнулъ закатъ перламутрово-алый,
За горы склонялся задумчивый день,
До новой горы доходилъ я, усталый,
И съ правой горы опрокинулась тѣнь.

И тѣни слились. И заря догорѣла.
И горы окутались въ сумракъ ночной.
Съ вершины къ вершинѣ, протяжно, несмѣло,
Пророчества духовъ неслись надо мной.

X.

* * *

Въ молчаньи забывшейся ночи
Уснулъ я при блѣдной Лунѣ,
И странно-знакомыя очи
Во снѣ наклонялись ко мнѣ.

И странно-печальныя рѣчи
Я слышалъ смущенной душой,
И зналъ, что дождался я встрѣчи
Съ родной, отдаленно-чужой.

И вотъ бѣлоснѣжныя крылья
Ростутъ и дрожатъ въ полуснѣ,
И плавно, легко, безъ усилья,
Мы близимся къ блѣдной Лунѣ.

И чье-то остывшее тѣло
Внизу разглядѣть я хочу.
Но нѣтъ для безсмертья предѣла,
Я выше, все выше лечу!

XI.

* * *

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный. Страшенъ свѣточъ дня.

Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ.
Но когда и гдѣ, не помню. Все теперь забылъ.

Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ? И зачѣмъ, зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто. Умъ безсильный нѣмъ.

Дождь струится безпощадный. Вѣтеръ бьетъ въ окно.
Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ — далеко, давно.

Для чего-жь ты вновь со мною, позабытый другъ?
Точно тѣнь, встаешь и манишь. Но темно вокругъ.

Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ.
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.

Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глазахъ огня
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

XII.

ТРІОЛЕТЫ.

1.

Твоя застѣнчивая нѣжность —
Въ землѣ сокрытый водопадъ,
Въ ней страсти дремлющей безбрежность.
Твоя застѣнчивая нѣжность —

Ростущей тучи безмятежность,
Цвѣтовъ несмятыхъ ароматъ.
Твоя застѣнчивая нѣжность—
Готовый вспыхнуть водопадъ.

2.

Нѣмая царственная вѣчность
Для насъ зажгла свои огни,
Любви блаженство и безпечность.
Нѣмая царственная вѣчность
Насъ увлекаетъ въ безконечность,
И въ цѣломъ мірѣ — мы одни:
Нѣмая царственная вѣчность
Для насъ зажгла свои огни.

3.

Любви цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!
Твое рожденье было тайной,
Любви цвѣтокъ необычайный,
Ты мнѣ блеснулъ мечтой случайной,
И я, какъ прежде, одинокъ.
Любви цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!

4.

Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, какъ видѣнье,

И мнѣ осталось сожалѣнье,
И поздней мудрости змѣя.
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя!

XIII.

РУСАЛКИ.

Мы знаемъ страсть, но страсти не подвластны.
Красою нашихъ душъ и нашихъ тѣлъ нагихъ
Мы только будимъ страсть въ другихъ,
А сами холодно-безстрастны.

Любя любовь, безсильны мы любить.
Мы дразнимъ и зовемъ, мы вводимъ въ заблужденье,
Чтобы напитокъ охлажденья
За знойной вспышкой жадно пить.

Нашъ взглядъ глубокъ и чистъ, какъ у ребенка.
Мы ищемъ Красоты и міръ для насъ красивъ,
Когда, безумца погубивъ,
Смѣемся весело и звонко.

И какъ свѣтла измѣнчивая даль,
Когда любовь и смерть мы заключимъ въ объятье,
Какъ сладокъ этотъ стонъ проклятья,
Любви предсмертная печаль!

XIV.

ПОЗДНО.

ДВА СОНЕТА.

1.

О, если бъ кто-нибудь любилъ меня, какъ ты,
Въ тѣ дни далекіе предчувствій и печали,
Когда я полонъ былъ дыханьемъ красоты,
И гимны ангеловъ заоблачныхъ звучали.

На думы тайныя мнѣ тучки отвѣчали,
Луна сочувственно глядѣла съ высоты,
Но струны лучшія въ душѣ моей молчали,
И призракъ женщины смутилъ мои мечты.

И призракъ женщины склонялся надо мною.
Я жаждалъ счастія. Но призракъ измѣнялъ.
И много дней прошло. Ты встрѣтилась со мною.

Я полюбилъ тебя. Но точно бурный валъ,
Предвѣстникъ гибели, какой-то голосъ грозно
Гремитъ насмѣшкою и вторитъ: „Поздно! Поздно!“

2.

Съ невѣрнымъ спутникомъ — непрочнымъ челнокомъ —
Присталъ я къ берегу и ждалъ успокоенья.
Увы, я опоздалъ, застигнутъ былъ врагомъ:
Гремучій валъ скользилъ, дрожалъ отъ нетерпѣнья.

Прилива жаднаго кипучее волненье
Окутало меня. За легкимъ вѣтеркомъ
Нахлынула гроза, и силою теченья
Я схваченъ, унесенъ, лежу на днѣ морскомъ.

Я въ морѣ утонулъ. Теперь моя стихія —
Холодная вода, безмолвіе, и мгла.
Вокругъ меня кишатъ чудовища морскія.

Постелью служитъ мнѣ подводная скала,
Подводные цвѣты цвѣтутъ безъ аромата.
И къ звѣздамъ нѣтъ пути, и къ Солнцу нѣтъ возврата.

XV.

АРГУЛИ.

Слушай! Ужь колоколъ плачетъ вдали.
Я умираю.
Что мнѣ осталось? Прижаться лицомъ къ Аргули!
Точно свѣча, я горю и сгораю.

Милый мой другъ,
Если бездушная полночь свой сумракъ раскинетъ вокругъ,
Голосу друга умершаго чутко внемли,
Сердцемъ задумчиво-нѣжнымъ
Будешь ты вѣчно моею, о, птичка моя, Аргули!

Будь далека отъ земли, и крыломъ бѣлоснѣжнымъ
Вѣчно скользи
Въ чистыхъ предѣлахъ небесной стези.
Мыслямъ отдайся безбрежнымъ,
Плачь и мечтай,
Прочь отъ враждебной земли улетай.

Лучше бродить по вершинамъ холоднымъ и снѣжнымъ,
Взоръ навсегда обратить къ Красотѣ,
Лучше страдать, но страдать на такой высотѣ,
Духомъ мятежнымъ
Такъ унестись, чтобъ земля чуть виднѣлась вдали.
О, моя птичка! Моя Аргули!

XVI.

МЭРИ.

СОНЕТЪ.

Когда въ глухой тиши стариннаго музея,
Исполненный на мигъ несбыточной мечты,
Смотрю на вѣчныя созданья красоты,
Мнѣ кажется живой нѣмая галлерея.

И предъ Мадоннами душой благоговѣя,
Я вижу много въ нихъ священной простоты,
И въ книгѣ прошлаго завѣтные листы
Читаю я одинъ, волнуясь и блѣднѣя.

Такъ точно близь тебя душою я постигъ,
Что можно пережить вѣка въ единый мигъ,
Любить и тосковать, о томъ сказать не смѣя,

И выразить всѣхъ чувствъ волшебныхъ не умѣя, —
Я вѣчной Красоты въ тебѣ позналъ родникъ,
Мечта художника, безмолвная камея.

XVII.

* * *

Слова смолкали на устахъ,
Мелькалъ смычокъ, рыдала скрипка,
И возникала въ двухъ сердцахъ
Безумно-свѣтлая ошибка.

И взоры жадные слились
Въ мечтѣ, которой нѣтъ названья,
И нитью зыбкою сплелись,
Томясь, и не страшась признанья.

Среди толпы, среди огней
Любовь росла и возростала,
И скрипка, точно слившись съ ней,
Дрожала, пѣла, и рыдала.

XVIII.

ТРУБАДУРЪ.

Мадонна, солнце между звѣздъ, мадоннъ прекрасныхъ украшенье,
Ты въ сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть и возрожденье.
Какъ саламандра, я горю въ огнѣ любви, но не сгораю,
Какъ лебедь, пѣсню я пою, и послѣ пѣсни умираю.

Мадонна, цвѣтъ среди цвѣтовъ, среди красавицъ украшенье,
Тебѣ — мой вздохъ, тебѣ — мой стихъ, нѣжнѣй, чѣмъ утра дуновенье.
Какъ фениксъ, я хочу сгорѣть, чтобы возстать преображеннымъ,
И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюбленнымъ.

XIX.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
Они дрожатъ, они алмазны,
Какъ въ часъ предутреннiй—звѣзда;
Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынѣ,
Съ начала мiра и донынѣ,
И будутъ первыми всегда;
Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безпредѣльны,
Легки, какъ всплески въ тростникахъ,
Какъ взмахи птицы опьяненной,
Съ другою птицею сплетенной
Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

XX.

* * *

Смѣшались дни и ночи,
Едва гляжу на свѣтъ,
Видѣнiй ищутъ очи,
Родныхъ видѣнiй нѣтъ.

Все то, чему смѣялась
Влюбленная душа,
Къ безвѣстному умчалось,
И плача, и спѣша.

Поблекли маргаритки,
Склонивъ головки внизъ,
И липкія улитки
На листьяхъ собрались.

И если предо мною,
Надъ лономъ сонныхъ водъ,
Безсмертною Луною
Блистаетъ небосводъ, —

Мнѣ кажется, что это
Луна погибшихъ дней,
И въ ней не столько свѣта,
Какъ скорби и тѣней.

И если вѣтеръ злится,
И если дождь идетъ,
Моя душа томится
И странно счастья ждетъ.

И плачутъ, плачутъ очи,
И Солнца больше нѣтъ,
Смѣшались дни и ночи,
Слились и тьма, и свѣтъ.

XXI.

БЕАТРИЧЕ.

СОНЕТЪ.

Я полюбилъ тебя, лишь увидалъ впервые.
Я помню, шелъ кругомъ ничтожный разговоръ,
Молчала только ты, и рѣчи огневыя,
Безмолвныя слова мнѣ посылалъ твой взоръ.

За днями гасли дни. Ужь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ.
И снова шлетъ Весна лучи свои живые,
Цвѣты одѣли вновь причудливый уборъ.
А я? Я все люблю, какъ прежде, какъ впервые.

И ты попрежнему безмолвна и грустна,
Лишь взоръ твой искрится и говоритъ порою.
Не такъ ли иногда владычица - Луна

Свой лучезарный ликъ скрываетъ за горою,—
Но и за гранью скалъ, склонивъ свое чело,
Изъ тѣсной темноты она горитъ свѣтло.

XXII.

* * *

Отчего насъ всегда опьяняетъ Луна?
Оттого, что она холодна и блѣдна.
Слишкомъ много сіянья намъ Солнце даетъ,
И никто ему пѣсни такой не споетъ,
Что къ Лунѣ, при Лунѣ, между темныхъ вѣтвей,
Ароматною ночью поетъ соловей.

Отчего между женщинъ намъ дороги тѣ,
Что безстрастны въ побѣдной своей красотѣ?
Оттого, что въ волшебной холодности ихъ
Больше скрытыхъ восторговъ и ласкъ огневыхъ,
Чѣмъ въ сіяніи щедрой покорной мечты,
Чѣмъ въ объятьяхъ доступной для насъ красоты.

XXIII.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ ЛАНЬ.

1.

Печальные глаза, изогнутыя брови,
Какая властная въ васъ дышетъ красота!
Усмѣшкой горькою искажены уста.
Зачѣмъ?
    Такъ глубоко волнуешь ты и манишь,—
И страшной близости со мной достигнувъ,—вдругъ
Ты измѣняешься. И вновь темно вокругъ.
Ты вновь чужая мнѣ. Зачѣмъ?
                                        Я умираю.
Что значитъ этотъ смѣхъ? Что значитъ этотъ взглядъ?
Глядятъ такъ ангелы? Такъ духи тьмы глядятъ?

2.

Черноглазая лань, ты глядишь на меня,
И во взорѣ твоемъ больше тьмы, чѣмъ огня.

Не гляди. Погляди. Отъ любви я умру.
Я люблю этихъ глазъ роковую игру.

Что̀ мнѣ жизнь! Все забылъ, все утратилъ любя.
Не пойму я тебя. Но люблю я тебя.

Ты ничья. Никому этихъ глазъ не понять.
Подожди! Подожди! Дай хоть взглядомъ обнять!

XXIV.

* * *

Я боюсь, что любовью кипучей
Я, быть-можетъ, тебя оскорбилъ.
Милый другъ, это чувство нахлынуло тучей,
Я бороться не могъ, я тебя полюбилъ.
О, прости! Точно сказкой пѣвучей,
Точно сномъ зачарованъ я былъ.

Я уйду, и умрутъ укоризны,
И ты будешь одна, холодна.
Только скорбной мольбой замолкающей тризны
Донесется къ тебѣ пѣснопѣній волна.
Точно пѣсни забытой отчизны,
Точно вздохъ отлетѣвшаго сна.

XXV.

НОЧНЫЕ ЦВѢТЫ.

Въ воздухѣ нѣжномъ прозрачнаго мая
Дышетъ влюбленность живой теплоты:
Въ легкихъ объятьяхъ другъ друга сжимая,
Дышутъ и шепчутъ ночные цвѣты.

Тѣни какія-то смутно блуждаютъ,
Звуки невнятные гдѣ-то звенятъ,
Въ воздухѣ таютъ, и вновь возростаютъ,
Льется съ цвѣтовъ упоительный ядъ.

То не жасминъ, не фіалки, не розы,
То не застѣнчивыхъ ландышей цвѣтъ,
То не душистый восторгъ туберозы, —
Этимъ растеньямъ названія нѣтъ.

Только влюбленнымъ дано ихъ увидѣть,
Съ ними душою весь міръ позабыть,
Тѣмъ, что не могутъ другъ друга обидѣть,
Тѣмъ, что умѣютъ ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
Если тебя я забыться молю,
Это—дыханье прозрачнаго Мая,
Это — тебя я всѣмъ сердцемъ люблю.

Если видѣнья въ душѣ пролетаютъ,
Если ты жаждешь и ждешь Красоты,—
Это вблизи гдѣ-нибудь расцвѣтаютъ,
Гдѣ - нибудь дышутъ — ночные цвѣты.

XXVI.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Легкій вѣтеръ присмирѣлъ,
Вечеръ блѣдный догорѣлъ,
Съ неба звѣздные огни
Говорятъ тебѣ: „Усни!“
Не страшись передъ Судьбой,
Я какъ няня здѣсь съ тобой,
Я, какъ няня, здѣсь пою:
„Баю - баюшки - баю“.

Тотъ, кто знаетъ скорби гнетъ,
Темной ночью отдохнетъ,
Все, что дышетъ на Землѣ,
Сладко спитъ въ полночной мглѣ,
Дремлютъ птички и цвѣты,
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здѣсь пропою:
„Баю - баюшки - баю“.

XXVII.

* * *

Засвѣтилася лампада
Предъ иконою святой.
Міръ далекій, міръ - громада,
Отлетѣлъ, какъ сонъ пустой.

Мы въ тиши уединенной.
Часъ, когда колокола
Будятъ воздухъ полусонный,
Часъ, когда прозрачна мгла.

Ласка этой мглы вечерней
Убаюкиваетъ взглядъ,
И уколы жгучихъ терній
Сердце больше не язвятъ.

Помолись въ тиши безмолвной
Предъ иконою святой,
Чтобы міръ, страданьемъ полный,
Вспыхнулъ новою мечтой.

Помолись со мной, родная,
Чтобы жизнь свѣтлѣй прошла,
Чтобы насъ стезя земная
Вмѣстѣ къ гробу привела.

Надъ пучиной неизвѣстной
Пусть мы склонимся вдвоемъ,
Пусть чудесный гимнъ небесный
Вмѣстѣ Богу мы споемъ.

XXVIII.

ЛУННЫЙ ЛУЧЪ.

Я лунный лучъ, я другъ влюбленныхъ.
Смѣнивъ вечернюю зарю,
Я ночью ласково горю
Для всѣхъ, безумьемъ озаренныхъ,
Полуживыхъ, неутоленныхъ;
Для всѣхъ тоскующихъ, влюбленныхъ,
Я свѣтомъ сказочнымъ горю,
И о восторгахъ полусонныхъ
Невнятной рѣчью говорю.

Мой свѣтъ скользитъ, мой свѣтъ змѣится,
Но я тебѣ не измѣню,
Когда отдашься ты огню,
Тому огню, что не дымится,
Что въ тѣсной комнатѣ томится,
И все сильнѣй горѣть стремится—
Наперекоръ нѣмому дню.
Тебѣ, въ чьемъ сердцѣ страсть томится,
Я никогда не измѣню.

XXIX.

* * *

Предъ разсвѣтомъ дремлютъ воды,
Дремлетъ сумракъ молчаливый,
Ликъ застѣнчивой Природы
Дышетъ ласкою стыдливой.
Но постой — вдали зажгутся,
Вспыхнутъ полосы огня,
Воды шумно разольются,
И сверкая, и звеня.

Такъ и ты молчишь безстрастно,
Нѣтъ въ душѣ твоей порыва,
Ты застѣнчиво - прекрасна,
Ты чарующе-стыдлива.
Но настанетъ пробужденье,
Новымъ чувствомъ вспыхнетъ взглядъ.
„Возрожденье! Возрожденье!“
Струны сердца зазвенятъ.

XXX.

ЭЛЬЗИ.

Эльзи! Красавица горной Шотландіи!
Я люблю тебя, Эльзи!

Лунный лучъ проскользнулъ черезъ высокое окно.
Лунный ликъ потерялся за сѣтью развѣсистыхъ елей.
Какъ прекрасенъ полуночный часъ!
Какъ прекрасна любовь въ тишинѣ полуно̀чи!

Эльзи, слушай меня.
Я тебѣ нашепчу мимолетныя чувства,
Я тебѣ нашепчу гармоничныя думы,
Какихъ ты не знала до этой минуты, вдали отъ меня,
Не знала, когда надъ тобою шептались
Родимыя сосны далекой Шотландіи.
Не дрожи и не бойся меня.
Моя любовь воздушна, какъ весеннее облачко,
Моя любовь нѣжна, какъ колыбельная пѣсня.

Эльзи, какъ случилось, что мы съ тобою вдвоемъ?

Здѣсь, среди скандинавскихъ скалъ,
Насъ ничто не потревожитъ.
Никто не напомнитъ мнѣ
О печальной Россіи,
Никто не напомнитъ тебѣ
О туманной Шотландіи.
Въ этотъ часъ лунныхъ лучей и лунныхъ мечтаній
Мы съ тобою похожи на двухъ безтѣлесныхъ эльфовъ,
Мы какъ будто летимъ все выше и выше,—
И нѣтъ у меня родины, кромѣ тебя,
И нѣтъ у тебя родины, кромѣ меня.

Какъ странно спутались пряди
Твоихъ золотистыхъ волосъ,
Какъ странно глядятъ
Твои глубокіе и темные глаза!
Ты молчишь, какъ русалка.
Но много говоритъ мнѣ
Твое стыдливое молчаніе.
Знойныя ласки сказали бы меньше.
И зачѣмъ намъ ласки,

Когда мы переполнены счастьемъ,
Когда сквозь окно
Для насъ горятъ своими снѣгами высоты Ронданэ,
И смутное эхо
Вторитъ далекому говору
Сѣдыхъ водопадовъ,
И угрюмый Горный король
Своей тяжелой стопою будитъ уснувшія ели.

Я не сжимаю твоей руки въ моей рукѣ,
Я не цѣлую твоихъ губъ.
Но мы съ тобою два цвѣтка одной и той же вѣтви,
И наши взоры говорятъ на такомъ языкѣ,
Который внятенъ только нашимъ душамъ.

Хочешь,—разскажу тебѣ старую сагу.
Хочешь,—спою тебѣ пѣсню.
Здѣсь, подъ сѣвернымъ небомъ,
Я противъ воли дѣлаюсь скальдомъ,
А скальды, — ты знаешь, —
Могли пѣть свои пѣсни каждый мигъ.
Будь же моей Торбьёргъ Кольбрунъ,
Будь моей вдохновительницей.
Смотри, передъ тобою твой — твой пѣвецъ,
Тормоддъ Кольбрунарскальдъ.

Ужь я слышу звуки незримыхъ голосовъ,
Трепетанье струнъ нездѣшней арфы.
Пусть будетъ моя пѣсня воздушна, какъ чувство любви,
Легка, какъ шелестъ камышей,
И если въ ней будетъ
Хоть капля того яда,

Которымъ я былъ когда-то отравленъ,—
Да не коснется онъ тебя.

Слушай, Эльзи.

Въ часъ ночной, во мглѣ туманной, гдѣ-то тамъ за синей далью,
Убаюканная вѣтромъ, озаренная Луной,
Изгибаяся красиво, наклоняяся съ печалью,
Шепчетъ плачущая ива съ говорливою волной.
И томительный, и праздный, этотъ шопотъ безконечный,
Этотъ вздохъ однообразный надъ алмазною рѣкой
Языкомъ своимъ невнятнымъ, точно жалобой сердечной,
Говоритъ о невозвратномъ съ непонятною тоской.
Говоритъ о томъ, что было, и чего не будетъ снова,
Что любила, разлюбила охладѣвшая душа,
И, тая въ очахъ слезинки, полны жаждой неземного,
Бѣлоснѣжныя кувшинки задремали, чуть дыша.
И отравленъ скорбью странной, уязвленъ нѣмой печалью,
Въ мигъ туманный, въ мигъ нежданный, умъ опять
живетъ былымъ,
Гдѣ-то тамъ, гдѣ нѣтъ ненастья, гдѣ-то тамъ за синей далью,
Полонъ счастья сладострастья предъ видѣньемъ неземнымъ.

Что съ тобой, моя Эльзи? Ты спишь?
Нѣтъ, не спишь?
Отчего жь ты закрыла глаза?
Что жь ты такъ поблѣднѣла?

Лунный ликъ засверкалъ
Изъ-за сѣти уснувшихъ развѣсистыхъ елей.
Лунный лучъ задрожалъ
На твоемъ, поблѣднѣвшемъ отъ страсти, лицѣ.

Эльзи, Эльзи, я здѣсь, я съ тобой!
Я люблю тебя! —
Эльзи!

XXXI.

* * *

Въ стыдливости нѣмой есть много красоты:
Полурасцвѣтшіе цвѣты
Внушаютъ намъ любовь и нѣжное участье,
И дѣвственной Луны плѣнительна мечта.

Но есть иная красота:
Души влюбленной сладострастье.
Предъ этой чудной вспышкой счастья
Полубожественнаго сна,
Стыдливость чуть горитъ воспоминаньемъ блѣднымъ,
Какъ потускнѣвшая Луна
Предъ Солнцемъ пышнымъ и побѣднымъ.

XXXII.

НЕПОПРАВИМОЕ.

М. А. Дурнову.

Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій,
Ужасенъ полуночный часъ для бездомныхъ тѣней.
Какъ сладко блаженство объятій и страстныхъ рыданій,
И какъ безутѣшна печаль о возможномъ несбывшихся дней!
Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій.

Земля не устанетъ любить, и любить безъ конца.
Промчатся столѣтья и будутъ мгновеньемъ казаться,
И горькія слезы польются, польются съ лица,
И тотъ не устанетъ рыдать, кто любви былъ безсиленъ отдаться,
А міръ будетъ вѣчно любить, и любить безъ конца.

Франческа, Паоло, воздушныя нѣжныя тѣни,
Вы свято любили, и свѣтитъ вамъ нѣжность въ Аду.
Но горе тому, кто замедлилъ на первой ступени,
Кто ввѣриться снамъ не посмѣлъ и всю жизнь протомился въ бреду.
Франческа, Паоло, въ несчастьи счастливыя тѣни!

XXXIII.

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
Моя неземная краса!
Ты — Солнце во мракѣ ненастья,
Ты — жгучему сердцу роса!

Любовью къ тебѣ окрыленный,
Я брошусь на битву съ судьбой.
Какъ колосъ, грозой опаленный,
Склонюсь я во прахъ предъ тобой.

За сладкій восторгъ упоенья
Я жизнью своей заплачу!
Хотя бы цѣной преступленья —
Тебя я хочу!

XXXIV.

* * *

Былъ покинутъ очагъ. И скользящей стопой
На морскомъ берегу мы блуждали съ тобой.

Въ Небесахъ передъ нами сверкалъ Скорпіонъ,
И преступной любви ослѣпительный сонъ

Очаровывалъ насъ все полнѣй и нѣжнѣй
Красотой содрогавшихся яркихъ огней.

Сколько таинства было въ полночной тиши!
Сколько смѣлости въ мощномъ размахѣ души!

Цѣлый міръ задремалъ, не вставала волна,
Намъ никто не мѣшалъ выпить чашу до дна.

И какъ будто надъ нами виталъ Серафимъ,
Покрывалъ насъ крыломъ бѣлоснѣжнымъ своимъ.

И какъ будто съ Небесъ чуть послышался зовъ,
Чуть послышался зовъ неземныхъ голосовъ.

„Нѣтъ грѣха въ тѣхъ сердцахъ, что любовь пьютъ до дна,
Гдѣ любовь глубока — глубока и полна.

„Если жь стынетъ очагъ, пусть остынетъ совсѣмъ,
Тотъ, въ комъ чувство молчитъ, пусть совсѣмъ будетъ нѣмъ“.

И отъ прошлаго прочь шли мы твердой стопой,
Уходили все дальше, и дальше съ тобой.

Въ Небесахъ потускнѣлъ, поблѣднѣлъ Скорпіонъ,
И пурпурной зарей былъ Востокъ напоенъ.

И пурпурной зарей озарился весь міръ:
Просвѣтленной любви онъ привѣтствовалъ пиръ.

XXXV.

Я ЖДУ.

Ужь ночь зажигаетъ лампады
Предъ ликомъ пресвѣтлымъ Творца.
Плѣнителенъ ропотъ прохлады,
И водная даль — безъ конца.

Мечта напѣваетъ мнѣ, вторя:
„Мой милый, желанный... Приду!“
Надъ синею влагою Моря,
Въ ладьѣ легкокрылой я жду.

Я жду, и завѣтное слово
„Люблю“ повторяю, любя,
И все, что есть въ сердцѣ святого,
Зоветъ, призываетъ тебя.

Приди, о, любовь золотая,
Простимся съ добромъ и со зломъ,
Все Море отъ края до края
Измѣряемъ быстрымъ весломъ.

Умчимся съ тобой въ безконечность,
Къ дворцу сверхземной Красоты,
Гдѣ мигъ превращается въ вѣчность,
Гдѣ „я“ превращается въ „ты“.

Хочу несказанныхъ мгновеній,
Восторговъ безумно-святыхъ,
Признаній, любви, пѣснопѣній
Нетронутыхъ струнъ золотыхъ.

Тебѣ я отдамъ безвозвратно
Весь пылъ вдохновенной души,
Чѣмъ жизнь какъ цвѣтокъ ароматна,
Что дышетъ грядущимъ въ тиши.

Съ тобою хочу я молиться
Свѣтиламъ нездѣшней страны,
Обняться, смѣшаться, и слиться
Съ тобой, какъ съ дыханьемъ Весны.

Съ тобою какъ призракъ я буду,
Какъ тѣнь за тобою пойду,
Всегда, неизмѣнно, повсюду...
Я жду!

МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМЪ.

Immer weiter...

Goethe.

I.

* * *

Восходящее Солнце, умирающій Мѣсяцъ,
Каждый день я люблю васъ и жду.
Но сильнѣе, чѣмъ Мѣсяцъ, и нѣжнѣе, чѣмъ Солнце,
Я люблю Золотую Звѣзду.

Ту звѣзду золотую, что мерцаетъ стыдливо
Въ предразсвѣтной мистической мглѣ,
И въ молчаньи вечернемъ, холодна и прекрасна,
Посылаетъ сіянье Землѣ.

Тѣмъ, кто днемъ утомился и враждой и заботой,
Этотъ блескъ о любви говоритъ,
Для того, кто во мракѣ тосковалъ безпросвѣтно,
Онъ съ высотъ упованьемъ говоритъ.

Оттого такъ люблю я ту Звѣзду-Чаровницу:
Я живу между ночью и днемъ,
Отъ нея мое сердце научилося брезжить
Не побѣднымъ, но нѣжнымъ огнемъ.

II.

ДАНТЕ.

ВИДѢНІЕ.

Пророкъ, съ душой восторженной поэта,
Чуждавшейся малѣйшей тѣни зла,
Одинъ, въ ночной тиши, вдали отъ свѣта,
Молился онъ, — и Тѣнь къ нему пришла.

Святая Тѣнь, которую увидѣть
Здѣсь на землѣ немногимъ суждено.
Тѣмъ избраннымъ съ ней говорить дано,
Что могутъ безкорыстно ненавидѣть
И быть всегда — съ Любовью заодно.

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
На Данте устремивъ пытливый взоръ.
И вотъ, вздохнувъ, она заговорила,
И вздохъ ея рѣчей звучалъ уныло,
Какъ вѣтра шумъ среди угрюмыхъ горъ.

„Зачѣмъ зовешь? Зачѣмъ меня тревожишь?
Тебѣ одно могу блаженство дать,
Ты молодъ, ты понять его не можешь:
Блаженство за другихъ душой страдать.
„Тотъ путь суровъ. Пустынею безлюдной
Среди песковъ онъ странника ведетъ.
Достигнетъ ли изгнанникъ цѣли чудной,—
Иль не дойдя безсильно упадетъ?
„Осмѣянный глухой толпой людскою,
Ты станешь ненавидящихъ любить,
Питаться будешь пламенной тоскою,
Ты будешь слезы собственныя пить.
„И холодна, какъ ледъ, людская злоба!
Пытаясь тщетно цѣпи тьмы порвать,
Какъ ложа ласкъ, ты будешь жаждать гроба,
Ты будешь смерть, какъ друга, призывать!“

И отвѣчалъ мечтатель благородный:
„Не страшенъ мнѣ бездушной злобы ледъ,
Любовью я согрѣю мракъ холодный.
Я въ путь хочу! Хочу идти впередъ!“

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
Печальна и страдальчески-блѣдна.
И въ Небесахъ, изъ темныхъ тучъ, уныло
Взошла кроваво-красная Луна.

И говорила Тѣнь:

„Себя отринуть,
Себя забыть — избраннику легко.
Но тѣхъ, съ кѣмъ жизнь связалъ, навѣкъ покинуть,
Отъ нихъ уйти куда-то далеко, —
„Навѣкъ со всѣмъ, что дорого разстаться,
Оставить свой очагъ, жену, дѣтей,
И много дней, и много лѣтъ скитаться,
Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей, —
„Какая скорбь! И ты ее узнаешь!
И пусть тебѣ отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь,
Она тебя отвергнетъ, какъ врага!
„Придетъ ли день, ты будешь жаждать ночи,
Придетъ ли ночь, ты будешь ждать утра,
И всюду зло, и нѣтъ нигдѣ добра,
И скрыть нельзя заплаканныя очи!
„И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой,
Какъ тяжелы чужихъ домовъ ступени,
Поднимешься — въ борьбѣ съ самимъ собой,
И внизъ пойдешь — своей стыдяся тѣни.
„О, ужасъ, о, мучительный позоръ:
Выпрашиваетъ милостыню — Геній!“

И Данте отвѣчалъ, потупя взоръ:
„Я принимаю бремя всѣхъ мученій!“

. . . .

Тѣнь его отмѣтила перстомъ,
И вдругъ ушла, въ беззвучіи рыдая,
И Данте въ путь пошелъ, изнемогая
Подъ никому невидимымъ крестомъ.

III.

ПОГИБШІЙ.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ПОЭМЫ.

I.

Ужь ночь. Калитка заперта.
Аллея длинная пуста.

Окованъ блѣдною Луной,
Весь паркъ уснулъ во мглѣ ночной.

Весь паркъ не шелохнетъ листомъ.
И заколдованъ старый домъ.

Могильны окна, лишь одно
Мерцаньемъ свѣчъ озарено.

Не спитъ—изгнанникъ средь людей,—
И мысли другъ,—и врагъ страстей.

Онъ въ часъ любви, объятій, сновъ
Читаетъ книги мудрецовъ.

Онъ слышитъ, какъ плыветъ Луна,
Какъ дышетъ, шепчетъ тишина.

Онъ видитъ въ мірѣ міръ иной,
И въ немъ живетъ онъ часъ ночной.

Тотъ міръ—лишь въ немъ, и съ нимъ умретъ,
Въ томъ мірѣ светочъ онъ беретъ.

То бѣглый свѣтъ, то краткій свѣтъ,
Но для него забвенья нѣтъ.

2.

Помогите! помогите! Я одинъ въ ночной тиши.
Цѣлый міръ ношу я въ сердцѣ, но со мною ни души.

Для чего кровавымъ потомъ обагряется чело?
Какъ мнѣ тяжко! Какъ мнѣ душно! Вѣковое давитъ зло!

Помогите! помогите! Но никто не внемлетъ мнѣ.
Только звѣзды, улыбаясь, чуть трепещутъ въ вышинѣ.

Только ликъ Луны мерцаетъ, да въ саду, среди вершинъ,
Шепчетъ Вѣтеръ перелетный: ты одинъ—одинъ—одинъ.

IV.

ТРИ СОНЕТА.

1. ВОПРОСЪ.

Меня плѣняетъ все: и свѣтъ, и тѣни,
И тучи мракъ, и красота цвѣтка,
Упорный трудъ, и нѣга тихой лѣни,
И бурный громъ, и шопотъ ручейка.

И быстрый бѣгъ обманчивыхъ мгновеній,
И цѣпь событій, длящихся вѣка;
Во всемъ слѣды таинственныхъ велѣній,
Во всемъ видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой умъ не можетъ:—
Зачѣмъ Господь въ борьбѣ намъ не поможетъ,
Не сниметъ съ насъ терноваго вѣнца?

Зачѣмъ Онъ создалъ смерть, болѣзнь, страданье,
Зачѣмъ Онъ далъ намъ жгучее желанье—
Грѣшить, роптать, и проклинать Творца?

2. откликъ.

Кто тамъ вздыхаетъ въ нѣдрахъ темной бездны?
Чьи слезы льются скорбно по лицу?
Кто шлетъ свой крикъ безсильный въ міръ надзвѣздный,
Взывая святотатственно къ Творцу?

Богохуленья ропотъ безполезный,
Слова упрека, отъ дѣтей къ отцу.
Пойметъ ли человѣкъ законъ желѣзный:—
Безъ вѣчныхъ мукъ пришелъ бы міръ къ концу.

Ужели маловѣрнымъ непонятно,
Что правда — только въ образѣ Христа?
Его слова звучатъ свѣтло и внятно.

„Я — жизни смыслъ, печаль и красота...
„Къ блаженству Я пришелъ стезей мученья...
„Смерть побѣдилъ Я свѣтомъ отреченья...“

3. БИБЛІЯ.

Въ тиши полуразрушенной гробницы
Намъ истина является на мигъ.
Передо мной завѣтныя страницы,
То Библія, святая книга книгъ.

Людьми забытый, сладостный родникъ,
Текущій близь покинутой станицы,
Въ раздумьи вкругъ него, склонивъ свой ликъ,
Былыхъ вѣковъ столпились вереницы.

Я вижу узелъ жизни — строгій долгъ —
Въ суровомъ Пятикнижьи Моисея;
У Соломона, эллина-еврея,

Любовь и жизнь одѣты въ яркій шелкъ;
Но Іовъ жизнь клянетъ, клянетъ, блѣднѣя,
И этотъ стонъ донынѣ не умолкъ.

V.

* * *

О, только бы знать, что могу я молиться,
Что можно молиться, кому я молюсь!
О, только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ слиться
Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь!
И что мнѣ лишенья, и что мнѣ страданья,
И что мнѣ рыдающихъ струнъ трепетанья,—
Пусть буду я ждать и томиться года,
Безумствовать, падать во тьмѣ испытанья,—

Но только бы вѣрить всегда,
Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
Что тамъ, надо мной, въ высотѣ недоступной,
Горитъ—и не меркнетъ Звѣзда!

VI.

* * *

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй,
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ нетлѣнный свѣтъ —
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ — и святыхъ.

VII.

НАДГРОБНЫЕ ЦВѢТЫ.

Среди могилъ неясный шопотъ,
Неясный шопотъ вѣтерка.
Печальный вздохъ, тоскливый ропотъ,
Тоскливый ропотъ ивняка.

Среди могилъ блуждаютъ тѣни
Усопшихъ дѣдовъ и отцовъ,
И на церковныя ступени
Восходятъ тѣни мертвецовъ.

И въ дверь церковную стучатся,
Они стучатся до зари,
Пока вдали не загорятся
На небѣ блѣдномъ янтари.

Тогда, понявъ, что жизнь минутна,
Что безуспѣшна ихъ борьба,
Рыдая горестно и смутно,
Они идутъ въ свои гроба.

Вотъ почему подъ утро блещутъ
Цвѣты надъ темною плитой:
Въ нихъ слезы горькія трепещутъ
О жизни — жизни прожитой.

VIII.

ИЗЪ-ПОДЪ СѢВЕРНАГО НЕБА.

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуи, гдѣ пышнѣй цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.

Отчего же здѣсь на Югѣ мнѣ мерещится мятель,
Снятся снѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ,
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?

Да, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, въ край волшебный и чужой!
Да, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!

Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ обольстительнаго Юга вновь на Сѣверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долголѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ Солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

IX.

БОЛЬНОЙ.

Ахъ, мнѣ хотѣлось бы немножко отдохнуть!
Я такъ измучился, мнѣ въ тягость всѣ заботы,
И ждать, надѣяться — нѣтъ силъ и нѣтъ охоты,
Я слишкомъ долго жилъ, мнѣ хочется уснуть.
Вотъ видишь, я усталъ. Я жилъ еще немного,
Но слишкомъ долго жилъ: мой день длиннѣй, чѣмъ годъ.
Я столько зналъ тоски, я столько зналъ невзгодъ,
Что безконечною мнѣ кажется дорога,—
Дорога прошлаго. Еще одна ступень,
Еще ступень, еще... И вотъ слабѣютъ силы,
И тѣни прошлаго мнѣ болѣе не милы,
И ночь заманчива, и ненавистенъ день...
Уснуть, навѣкъ уснуть! Какое наслажденье!
И развѣ смерть страшна? Жизнь во сто кратъ страшнѣй.
Всего несноснѣй цѣпь минутъ, часовъ, и дней,
Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
И пылъ своей души безцѣльно расточать,
Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,
И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
Чтобъ тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.
Но ты не сердишься? Я жалуюсь, тоскую...
Ну, нѣтъ, конечно нѣтъ... Я знаю, ты добра,
О, запоздалая, о, нѣжная сестра!

Дай руку мнѣ свою... вотъ такъ... я поцѣлую,
Я буду цѣловать всѣ пальчики твои,—
Ты знаешь, никогда мнѣ счастье не смѣялось,
И въ дѣтствѣ надо мной ни разу не склонялось
Родимое лицо съ улыбкою любви.
Но около тебя я полонъ чѣмъ-то новымъ,
Мнѣ кажется, что я отъ горя отдохнулъ;
Вотъ если бы еще немножко я уснулъ,
Съ постели я бы всталъ совсѣмъ-совсѣмъ здоровымъ...
А если я умру? Ты каждую весну
Вѣдь будешь приходить поплакать у могилы?
Ахъ, какъ-то странно мнѣ... Совсѣмъ теряю силы...
Послушай, не сердись... Я... кажется... усну!

X.

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ.

Бьютъ часы. Бѣгутъ мгновенья.
Вечеръ вспыхнулъ и погасъ.
И настойчивы мученья
Въ этотъ поздній горькій часъ.
Лучъ Луны кладетъ узоры
На морозное стекло.
Сердца трепетные взоры
Ищутъ правды, видятъ зло.
Нѣтъ отрады, нѣтъ привѣта
Внѣ Земли и на Землѣ,
Въ царствѣ солнечнаго свѣта,
И въ холодной лунной мглѣ.
Міръ молчитъ, а сердце внемлетъ,
Мчатся годы и вѣка,

Не заснетъ и не задремлетъ
Неустанная тоска.
Въ Небесахъ плывутъ Свѣтила
Безутѣшной чередой,
И безсмѣнно и уныло
Тучи стелются грядой.
Зло съ добромъ, печаль съ мечтою
Нераздѣльная семья,
И безцѣльной Красотою
Вспыхнулъ свѣточъ Бытія.
И какъ будто кто-то тонетъ
Въ этой безднѣ міровой,
Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
Полумертвый, но живой.
И бѣгутъ, бѣгутъ мгновенья,
Новый вечеръ вновь погасъ,
И настойчивы мученья
Въ этотъ поздній горькій часъ.
И напрасно ищутъ взоры
Разгадать добро и зло.
И Луна кладетъ узоры
На морозное стекло.

XI.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣсяца не видно. Свѣтитъ Млечный Путь.
Голову сѣдую свѣсивши на грудь,
Спитъ ямщикъ усталый. Кони чуть идутъ.
Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ.
Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
Звѣзды прославляютъ Господа Творца.

„Господи“, спросонокъ прошепталъ ямщикъ.
И, крестясь, зѣваетъ, и опять поникъ,
И опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скрипятъ полозья. Убѣгаетъ путь.

XII.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ КОШМАРЪ.

Едва-едва горитъ мерцанье
Пустынной гаснущей Луны,
Среди безбрежной тишины,
Среди бездоннаго молчанья.
Иду одинъ... Вездѣ снѣга,
Снѣга и льды, и воздухъ мертвый,
Надъ мертвымъ царствомъ распростертый.
Пустыни снѣжной берега
Вдали рисутся туманно;
На нихъ гигантскіе цвѣты,
Въ расцвѣтѣ блѣдной красоты,
Встаютъ и гаснутъ безпрестанно.
Бросаю къ Небу тусклый взоръ
И тамъ не вижу тверди синей:
Тамъ блѣдный, бѣлый, мертвый иней
Сплелся въ нависнувшій соборъ.
Иду... Пространству нѣтъ предѣла!
И въ этой страшной тишинѣ
Мои шаги не слышны мнѣ.
Мое замерзнувшее тѣло
Бѣжитъ впередъ, скорѣй, скорѣй,—
Гонимо жаждою безцѣльной,

Бѣжитъ въ пустынѣ безпредѣльной.
И тѣни собственной моей
Не вижу въ этомъ бѣгѣ вѣчномъ,—
И лишь гигантскіе цвѣты,
Какъ вѣчныхъ снѣжныхъ горъ хребты,
Ростутъ въ пространствѣ безконечномъ!

XIII.

НЕБЕСНАЯ РОСА.

День погасъ, и ночь пришла.
Въ черной тьмѣ душа свѣтла.
Въ смерти жизнь, и таетъ смерть.
Неба гаснущая твердь
Новой вспыхнула красой:
Тамъ серебряной росой,
Въ самой смерти жизнь любя,
Ночь усыпала себя.
Ходятъ Ангелы во мглѣ,
Слезы счастья шлютъ землѣ,
Славятъ свѣтлаго Творца,
Любятъ, любятъ безъ конца.

XIV.

* * *

Ночью мнѣ видѣлся Кто-то таинственный,
Тихо склонялся Онъ, тихо шепталъ;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Свѣтомъ нездѣшнимъ во мнѣ трепеталъ.

Ждалъ меня, звалъ меня долгими взорами,
Къ небу родимому путь открывалъ,
Гимны оттуда звучали укорами,
Сонъ позабытый все ярче вставалъ.

Что отъ незримыхъ очей заслонялося
Тканью тѣлесною, грезами дня,
Все это съ ласкою нѣжной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мнѣ,
Тѣни вставали и таяли звуками,
Тѣни къ родимой влекли сторонѣ.

Звали Эдема воздушные жители
Въ царство, гдѣ Роза цвѣтетъ у Креста.
Вотъ ужь я съ ними... въ ихъ тихой обители...
„Гдѣ же я медлилъ?“ — шептали уста.

XV.

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ.

Благородному борцу
Петру Ѳедоровичу Николаеву.

Вдали отъ блеска дня, вдали отъ шума,
Я жилъ не годъ, не два, а сотни лѣтъ.
Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
Онъ мнѣ твердилъ одно лишь слово: — „Нѣтъ“.
И я забылъ, что въ мірѣ дышетъ свѣтъ,
И я забылъ, что̀ значатъ звуки смѣха,

Я ждалъ—чего-то ждалъ—хоть новыхъ бѣдъ
И мнѣ одна была дана утѣха:—
Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,
И гасли вновь, какъ бѣглыя зарницы,
Какъ проблески блуждающихъ огней,
Какъ буквы строкъ сжигаемой страницы
И вмѣсто нихъ тянулись вереницы
Насмѣшливыхъ кроваво-смутныхъ сновъ;
Какъ хищныя прожорливыя птицы,
Какъ полчища уродливыхъ враговъ,
Неслись они ко мнѣ на звонъ моихъ оковъ.

И все же въ этой черной тьмѣ изгнанья
Зажегся блескъ, зажегся, наконецъ;
Кипучія и жгучія страданья
Взлелѣяли сверкающій вѣнецъ,
И первый лучъ смѣялся, какъ гонецъ
Моей весны, душистаго разсвѣта;
Со вздохомъ я привѣтствовалъ конецъ
Ночной тоски въ пустынѣ безъ отвѣта,
И видѣлъ взглядъ любви, и слышалъ гулъ привѣта.

И вотъ я вновь живу среди людей,
Подъ Солнцемъ ослѣпительно-лучистымъ.
И вижу я дѣтей моихъ дѣтей,
Внимаю въ полдень птичкамъ голосистымъ,
Роптанью травъ, струямъ кристально-чистымъ.—
Но я опять вернулся бы въ тюрьму,
Къ уступамъ скалъ, безжизненнымъ и мглистымъ,
Когда бы зналъ, что, выбравъ скорбь и тьму,
Я съ чьей-нибудь души тяжелый грѣхъ сниму!

XVI.

НА МОТИВЪ ПСАЛМА XVIII-го.

Ночь ночи открываетъ знанье,
Дню ото дня передается рѣчь.
Чтобъ славу Господа непопранной сберечь,
Возславить Господа должны Его созданья.

Все отъ Него — и жизнь, и смерть.
У ногъ Его легли, простерлись бездны,
О помыслахъ Его вѣщаетъ громко твердь,
Во славу дѣлъ Его сіяетъ свѣточъ звѣздный.

Выходитъ Солнце-исполинъ,
Какъ будто бы женихъ изъ брачнаго чертога,
Смѣется свѣтлый ликъ луговъ, садовъ, долинъ,
Отъ края въ край небесъ идетъ его дорога.

Святъ, святъ Господь, Зиждитель мой!
Передъ лицомъ Твоимъ разсѣялась забота.
И сладостнѣй, чѣмъ медъ, и слаще капель сота
Единый жизни мигъ, дарованный Тобой!

XVII.

ВЪ БЕЗВОДНОМЪ КОЛОДЦѢ.

Межъ стѣнъ отсырѣвшихъ, покрытыхъ грибками,
Въ безводномъ колодцѣ, на днѣ, глубоко,
Мы ждемъ, притаившись, и дышемъ легко,
И звѣзды въ Лазури сіяютъ надъ нами,—

Лучистыя звѣзды, горящія днемъ
Для тѣхъ, кто умѣетъ во тьму опускаться,
Чтобъ въ царствѣ беззвучья полнѣе отдаться
Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

Вдали отъ людского нестройнаго гула,
Не видя, какъ скользкая плѣсень ростетъ,
Мечтой мы бѣжимъ все впередъ и впередъ.—
Вселенная сномъ безмятежнымъ уснула.

И чище, чѣмъ свѣтъ суетливаго дня,
Воздушнѣй, чѣмъ звуки земныхъ пѣснопѣній,
Средь звѣздъ пролетаетъ блуждающій Геній,
На лютнѣ незримой чуть слышно звеня.

И въ Небѣ какъ будто расторглась завѣса,
Дрожитъ отъ восторженныхъ мукъ небосклонъ,
Трепещутъ Плеяды, блеститъ Оріонъ,
И брезжитъ далекій огонь Геркулеса.

Сплетаются звѣзды — и искрятся днемъ
Для тѣхъ, кто умѣетъ во тьму опускаться,
Для тѣхъ, кто умѣетъ во тьмѣ отдаваться
Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

XVIII.

* * *

И Сонъ и Смерть равно смежаютъ очи,
Кладутъ предѣлъ волненіямъ души,
На смѣну дня приводятъ сумракъ ночи,
Даютъ страстямъ заснуть въ нѣмой тиши.

И въ чьей груди еще живетъ стремленье,
Къ тому свой взоръ склоняетъ Ангелъ Сна,
Чтобъ онъ узналъ блаженство пробужденья,
Чтобъ за зимой къ нему пришла весна.

Но кто постигъ, что вѣчный мракъ — отрада,
Съ тѣмъ вступитъ Смерть въ союзъ любви живой,
И отъ ея внимательнаго взгляда
Къ страдальцу сонъ нисходитъ гробовой.

XIX.

НА МОТИВЪ ЭККЛЕЗІАСТА.

Родъ проходитъ и снова приходитъ,
Вновь къ истокамъ стекаются рѣки,
Солнце всходитъ и Солнце заходитъ,
А Земля пребываетъ вовѣки.

Вѣетъ вѣтеръ отъ Сѣвера къ Югу,
И отъ Юга на Сѣверъ стремится,
И бѣжитъ онъ во мракѣ по кругу,
Чтобы снова подъ Солнцемъ кружиться.

Суета! Чтó премудрость и знанье!
Намъ одно всѣ вѣка завѣщали:
Тотъ, кто хочетъ умножить познанья,
Умножаетъ тѣмъ самымъ печали.

Полдень жжетъ ослѣпительнымъ зноемъ,
Ночь смиряетъ нѣмымъ усыпленьемъ:
Лучше горсть съ невозбраннымъ покоемъ
Чѣмъ пригоршни съ трудомъ и томленьемъ.

Смѣхъ напрасенъ, забота сурова,
И никто ничего не откроетъ,
И ничто здѣсь подъ Солнцемъ не ново,
Только Смерть—только Смерть успокоитъ!

XX.

ВОСКРЕСШІЙ.

Полуизломанный, разбитый,
Съ окровавленной головой,
Очнулся я на мостовой,
Лучами яркими облитой.

Зачѣмъ я бросился въ окно?
Цѣною страшнаго паденья
Хотѣлъ купить освобожденье
Отъ узъ, наскучившихъ давно.

Хотѣлъ убить змѣю печали,
Забыть позоръ погибшихъ дней...
Но пять воздушныхъ саженей
Моихъ надеждъ не оправдали.

И вдругъ открылось мнѣ тогда,
Что все, что сдѣлалъ я,—преступно.
И было Небо недоступно,
И высоко, какъ никогда.

Въ себѣ унизивъ человѣка,
Я отъ своей ушелъ стези,
И вотъ лежалъ теперь въ грязи,
Полурастоптанный калѣка.

И сквозь столичный шумъ и гулъ,
Сквозь этотъ грохотъ безучастный
Ко мнѣ донесся звукъ неясный:
Знакомый духъ ко мнѣ прильнулъ.

И смутный шопотъ, замирая,
Вздыхалъ чуть слышно надо мной,
И былъ тотъ шопотъ—звукъ родной
Давно утраченнаго рая:—

„Ты не исполнилъ свой предѣлъ,
Ты захотѣлъ успокоенья,
Но нужно заслужить забвенье
Самозабвеньемъ чистыхъ дѣлъ.

„Умри, когда отдашь ты жизни
Все то, что жизнь тебѣ дала,
Иди сквозь мракъ земного зла,
Къ небесной радостной отчизнѣ.

„Ты обманулся самъ въ себѣ
И въ той, что льетъ теперь рыданья,—
Но это мелкія страданья.
Забудь. Служи иной судьбѣ.

„Душой отзывною страдая,
Страдай за міръ, живи съ людьми
И послѣ — мой вѣнецъ прими“...
Такъ говорила тѣнь святая.

То Смерть-владычица была,
Она явилась на мгновенье,

Дала мнѣ жизни откровенье
И прочь—до времени—ушла.

И новый, лучшій день, алѣя,
Зажегся для меня во мглѣ.—
И прикоснувшися къ землѣ,
Я всталъ съ могуществомъ Антея.

XXI.

* * *

Символъ смерти, символъ жизни, бьетъ полночный часъ.
Чтобы новый день зажегся, старый день угасъ.

Содрогнулась ночь въ зачатьи новыхъ бодрыхъ силъ,
И заплаканныя тѣни вышли изъ могилъ.

Лишь на краткія мгновенья мраку власть дана,
Чтобъ созрѣла возрожденья новая волна.

Каждый день понынѣ видимъ чудо изъ чудесъ,
Всходитъ Солнце, свѣтитъ міру, гонитъ мракъ съ Небесъ.

Міръ исполненъ восхищенья милліоны лѣтъ,
Видя тайну превращенья тьмы въ лучистый свѣтъ.

XXII.

* * *

Горящій атомъ, я лечу
Въ пространствахъ—сердцу лишь извѣстныхъ,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,

Который жнетъ въ поляхъ небесныхъ
Колосья мыслей золотыхъ
И съ неба зерна посылаетъ,
И въ этихъ зернахъ жизнь пылаетъ,
Сверканье блестокъ молодыхъ,
Огни для атомовъ мятежныхъ,
Что мчатся, такъ же, какъ и я,
Въ туманной мглѣ пустынь безбрежныхъ,
Въ бездонныхъ сферахъ Бытія.

XXIII.

* * *

Да, я вижу, да, я знаю: въ этой жизни счастья нѣтъ.
Счастье брезжитъ, какъ мерцанье умирающихъ планетъ.

Тамъ въ пространствахъ недоступныхъ, вѣчно полныхъ тишины,
Ярко дышутъ, ярко свѣтятъ Неба огненные сны.

Дышутъ стройныя Свѣтила, блещутъ только для себя,
Къ намъ невольный свѣтъ бросаютъ, насъ, безвѣстныхъ, не любя.

Милліоны, миріады нескончаемыхъ вѣковъ,
Мы, отринутые, стонемъ, слыша звонъ своихъ оковъ.

Мы не знаемъ, гдѣ родится новой истины звѣзда.
Нами правятъ два проклятья: *Навсегда* и *Никогда*.

Навсегда въ предѣлахъ жизни, къ мнимой смерти мы идемъ,
И страданье намъ смѣется надъ обманчивымъ путемъ.

Къ намъ доходитъ свѣтъ небесный—въ часъ когда умретъ звѣзда.
И съ живой душой обняться мы не можемъ никогда.

XXIV.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНІЕ.

За краткій мигъ существованья
Я сотни лѣтъ готовъ страдать,
И новыхъ—новыхъ пытокъ ждать
За эту сладость упованья,
Что въ тусклой мглѣ небытія
Зажгутся быстрою слезою
Цвѣты, спаленные грозою,
И брызнетъ звонкій всплескъ ручья,
И сонъ любви, какъ призракъ, встанетъ,
И вновь и вновь меня обманетъ
Улыбкой блѣднаго лица,
И крикъ души сквозь Вѣчность грянетъ
Восторгомъ жгучимъ безъ конца!

XXV.

* * *

За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой Безбрежности!

Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастія цѣльнаго,

Мы, воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ!

Дерзкими усильями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,

Мы домчимся въ міръ чудесный,
Къ неизвѣстной
Красотѣ!

Тишина

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья

Тютчевъ

1897.— Зима.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

сонетъ.

Близъ пышной Мексики, въ предѣлахъ Аризоны,
Межъ рудниковъ нашли окаменѣлый лѣсъ,
Въ потухшемъ кратерѣ, гдѣ скаты и уклоны
Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.

Предъ взоромъ пристальнымъ ниспала мгла завѣсъ,
И вотъ горитъ агатъ, сафиры, халцедоны, —
Въ тропическихъ лучахъ цвѣтущей Аризоны
Сквозь тьму временъ возсталъ давно отжившій лѣсъ.

Онъ былъ засыпанъ здѣсь могучимъ слоемъ пыли,
Стихійной вспышкою отторгнутъ отъ земли,
Съ ея Созвѣздьями, горящими вдали.

Но канули вѣка, и кратеры остыли,
Скитальцы блѣдные владыками пришли,—
И новымъ сномъ зажглись обломки давней были.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

Прежде чѣмъ душа найдетъ возможность постигать, и дерзнетъ припоминать, она должна соединиться съ Безмолвнымъ Глаголомъ, — и тогда для внутренняго слуха будетъ говорить Голосъ Молчанія.

Изъ Индійской Мудрости.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

1.

Между льдовъ затерты, спятъ въ тиши морей
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей.
Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
Прочь спѣшитъ въ испугѣ, мчится въ небеса.
Мчится — и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
Всюду видя только — блѣдность, холодъ, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали изъ воды.
Бѣлый снѣгъ ложится, вьется надъ волной,
Воздухъ заполняя мертвой бѣлизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птицъ.
Царству бѣлой Смерти нѣтъ нигдѣ границъ.
Что-жь вы здѣсь искали, выброски зыбей,
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей?

2.

„На Полюсъ! На Полюсъ! Бѣжимъ, поспѣшимъ,
И новыя тайны откроемъ!
Тамъ, вѣрно, есть островъ — красивъ, недвижимъ,
Окованъ плѣнительнымъ зноемъ!

„Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
Извѣданныхъ думъ и желаній.
Мы жаждемъ качанья нѣмыхъ кораблей,
Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

„Въ безвѣстномъ — услада тревожной души,
Въ туманностяхъ манятъ зарницы.
И сердцу рокочутъ приливы: „Спѣши!“
И дразнятъ свободныя птицы.

„Намъ вѣтеръ бездомный шепнулъ въ полуснѣ,
Что сбудутся наши надежды:
Для новаго Солнца, въ цвѣтущей странѣ,
Проснувшись, откроемъ мы вѣжды.

„Мы гордо раздвинемъ предѣлы Земли,
Намъ свѣтитъ нашъ разумъ стоокій.
Плывите, плывите скорѣй, корабли,
Плывите на Полюсъ далекій!“

3.

Солнце свершаетъ
Скучный свой путь.
Что-то мѣшаетъ
Сердцу вздохнуть.

Въ морѣ приливы
Шумно ростутъ.
Мирныя нивы
Гдѣ-то цвѣтутъ.

Пѣнясь, про нѣгу
Шепчетъ вода.
Гдѣ-то къ ночлегу
Гонятъ стада.

4.

Грусть утихаетъ:
Съ другомъ легко.
Кто-то вздыхаетъ —
Тамъ — далеко.

Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.
Кто-то въ обширной
Безднѣ плыветъ.

Нѣжная ива
Спитъ и молчитъ.
Гдѣ-то тоскливо
Чайка кричитъ.

5.

„Мы плыли — все дальше — мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
Отъ влажной крутящейся пыли
Кружилась не разъ голова.

„Туманы клубились густые,
Вставалъ и гудѣлъ Океанъ, —
Какъ будто бы вѣдьмы сѣдыя
Раскинули вражескій станъ.

„И туча бѣжала за тучей,
За валомъ мятежился валъ.
Встрѣчали мы островъ пловучій,
Но онъ отъ очей ускользалъ.

„И тамъ, гдѣ изъ воднаго плѣна
На мигъ возставали цвѣты,
Крутилась лишь бѣлая пѣна,
Сверкая среди темноты.

„И дерзко смѣялись зарницы,
Манившія міромъ чудесъ.
Кружились зловѣщія птицы
Подъ склепомъ пустынныхъ Небесъ.

„Буруны закрыли со стономъ
Сверканье Полярной Звѣзды.
И вотъ ужь съ пророческимъ звономъ
Идутъ, надвигаются льды.

„Такъ что-жь, и для насъ развернула
Свой свитокъ сѣдая печаль?
Такъ, значитъ, и насъ обманула
Богатая сказками даль?

„Мы отданы бѣлымъ пустынямъ,
Мы тризну свершаемъ на льдахъ,
Мы тонемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
Съ проклятьемъ на блѣдныхъ устахъ!“

6.

Скрипя, бѣжитъ среди валовъ,
Гигантскій гробъ, скелетъ пловучій.
Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ
Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.

Огромный остовъ корабля
Въ пустынѣ Моря быстро мчится,
Какъ будто гдѣ-то есть земля,
Къ которой жадно онъ стремится.

За нимъ, скрипя, среди зыбей
Несутся бѣшено другіе,
И привидѣнья кораблей
Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межъ собой,
Что дальше ихъ пускать не надо,—
И встала бѣлою толпой
Снѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.

И пѣсни имъ надгробной нѣтъ,
Бездушенъ міръ пустыни сонной,
И только Солнца красный свѣтъ
Горитъ, какъ факелъ похоронный.

7.

Да легкіе хлопья летаютъ,
И беззвучную сказку поютъ,
И бѣлыя ткани сплетаютъ,
Созидаютъ для Смерти пріютъ.

И шепчутъ: „Мы — дѣти Эѳира,
„Мы — любимцы нѣмой тишины,
„Враги безпокойнаго міра,
„Мы — пушистые чистые сны.

„Мы падаемъ въ синее Море,
„Мы по воздуху молча плывемъ,
„И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
„И къ покою другъ друга зовемъ.

„И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
„И не нужно намъ шума земли,
„Мы вьемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
„И летаемъ, и таемъ вдали...“

ИСКРЫ.

И онѣ отпали отъ Великаго Источника и падая зажглись невѣрнымъ свѣтомъ.

Изъ Лѣтописи Міра.

ИСКРЫ.

1.

Туманъ ли собирается,
Скрывая небосводъ,
Звѣзда ли загорается
Надъ лономъ синихъ водъ,—
Безсмѣнно - одинокая,
Душа груститъ всегда,
Душа душѣ далекая,
Какъ для звѣзды звѣзда.

2.

Повсюду сказка блѣдная--
Загадкой предо мной,
Горитъ заря побѣдная,
Смѣняется Луной,—
Но нѣтъ отвѣта нѣжности,
И гасну я безъ словъ,
Затерянный въ безбрежности
Тоскующихъ міровъ.

3.

Какъ медленно движеніе
Томительныхъ часовъ!
Какъ мало отраженія
Въ обманѣ нашихъ сновъ!

Какъ мало отраженія
Негаснущихъ огней,
Что дремлютъ безъ движенія
За гранью нашихъ дней!

4.

За гранью отдаленною
Безчисленныхъ свѣтилъ,
За этой возмущенною
Толпой живыхъ могилъ,
Есть ясное Безвѣтріе
Безъ плачущаго *я*.
Есть свѣтлое Безвѣтріе
Безъ жажды бытія.

5.

Но то не Смерть, печальная
Владычица людей,
Не пляска погребальная
Надъ грудами костей.
За гранями алмазными
Ни ночи, ни утра.
Ни зла съ его соблазнами.
Ни тусклаго добра.

6.

Тамъ вѣчны сны блаженные
Въ прозрачной мглѣ мечты,
Тамъ вѣчны сокровенныя
Видѣнья Красоты.

Нетлѣннымъ свѣтомъ нѣжности
Тамъ все озарено,
Тамъ счастіе Безбрежности,
Гдѣ слито все въ одно.

7.

Зачѣмъ же, — духъ стремленія,
Въ разлукѣ съ Красотой, —
Я жажду отдаленія
Отъ родины святой!
Я—искра, отступившая
Отъ Солнца своего,
И Бога позабывшая,
Не знаю для чего!

ВОЗДУШНО-БѢЛЫЕ.

I tell thee, when I pass away, it is to tenfold life, to love, to peace, and raptures holy. Unseen descending weigh my light wings upon balmy flowers.

Blake.

Я говорю тебѣ,—уходя, я ухожу къ удесятеренной жизни, къ миру, къ любви, къ святымъ восхищеніямъ. Незримо нисходя, тяготѣютъ мои легкія крылья надъ бальзамическими цвѣтами.

Блэкъ.

I.

СНѢЖНЫЕ ЦВѢТЫ.

1.

Въ жаждѣ сказочныхъ чудесъ,
Въ тихой жаждѣ сновъ таинственныхъ,
Я пришелъ въ полночный лѣсъ,
Я раздвинулъ ткань завѣсъ
Въ храмѣ Геніевъ единственныхъ.

Въ храмѣ Геніевъ Мечты
Слышу возгласы несмѣлые,
То — обѣты чистоты,
То — нездѣшніе цвѣты,
Все цвѣты воздушно - бѣлые.

2.

Я тревожный призракъ, я стихійный геній,
Въ мірѣ сновидѣній жить мнѣ суждено,
Быть среди дыханья сказочныхъ растеній,
Видѣть, какъ безмолвно спитъ морское дно.

Только вспыхнетъ Весперъ, только Мѣсяцъ глянетъ,
Только ночь настанетъ раннею весной, —
Сердце жаждетъ чуда, ночь его обманетъ,
Сердце умираетъ съ гаснущей Луной.

Вновь бѣлѣетъ утро, таетъ рой видѣній,
Каждый вздохъ растеній шепчетъ для меня:
„О, мятежный призракъ, о, стихійный геній,
Будемъ жаждать чуда, ждать кончины дня!“

3.

Въ глубинѣ души рожденныя,
Чуткимъ словомъ пробужденныя,
Мимолетныя мечты,
Еле вспыхнувъ, улыбаются,
Пылью свѣтлой осыпаются,
Точно снѣжные цвѣты, —

Безмятежныя, свободныя,
Міру чуждыя, холодныя
Звѣзды призрачныхъ Небесъ,
Тѣхъ, что свѣтятъ надъ пустынями,
Тѣхъ, что властвуютъ святынями
Въ царствѣ сказокъ и чудесъ.

4.

Я когда-то былъ сыномъ Земли,
Для меня маргаритки цвѣли,
Я во всемъ былъ похожъ на другихъ,
Былъ въ цѣпяхъ заблужденій людскихъ.

Но, земную печаль разлюбивъ,
Разлученъ я съ колосьями нивъ,
Я ушелъ отъ родимой межи,
За предѣлы — и правды, и лжи.

И въ душѣ не возникнетъ упрекъ,
Я постигъ въ мимолетномъ намекъ,
Я услышалъ таинственный зовъ,
Безконечность нѣмыхъ голосовъ.

Мнѣ открылось, что Времени нѣтъ,
Что недвижны узоры планетъ,
Что Безсмертіе къ Смерти ведетъ,
Что за Смертью Безсмертіе ждетъ.

5.

Ожиданьемъ утомленный, одинокій, оскорбленный,
Надъ пустыней полусонной умирающихъ морей,
Непохожъ на человѣка, я блуждаю вѣкъ отъ вѣка,
Вѣкъ отъ вѣка вижу волны, вижу брызги янтарей.

Ускользающая пѣна... Поминутная измѣна...
Жажда вырваться изъ плѣна, вновь извѣдать гнетъ оковъ.
И въ туманности далекой, оскорбленный, одинокій,
Ищетъ геній свѣтлоокій неизвѣстныхъ береговъ.

Слышитъ крики: „Свѣтлый геній!.. Возвратись на стонъ мученій...
Для прозрачныхъ сновидѣній... Къ мирнымъ храмамъ... Къ очагу...“
Но за далью небосклона гаснетъ звукъ родного звона,
Человѣческаго стона полюбить я не могу.

6.

Мнѣ странно видѣть лицо людское,
Я вижу взоры существъ иныхъ,
Со мною вѣтеръ, и все морское,
Все то, что чуждо для думъ земныхъ.

Со мною тѣни, за мною тѣни,
Я слышу сказку морскихъ глубинъ,
Я царь надъ царствомъ живыхъ видѣній,
Всегда свободный, всегда одинъ.

Я слышу бурю, удары грома,
Пожары молній горятъ вдали,
Я вижу Островъ, гдѣ все знакомо,
Гдѣ я — владыка моей земли.

Въ душѣ холодной мечты безмолвны,
Я слышу сердцемъ полетъ временъ,
Со мною волны, за мною волны,
Я вижу вѣчный — все тотъ же — Сонъ.

7.

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
Волную волны, ласкаю ивы,
Въ вѣтвяхъ вздыхаю, вздохнувъ, нѣмѣю,
Лелѣю травы, лелѣю нивы.

Весною свѣтлой, какъ вѣстникъ Мая,
Цѣлую ландышъ, въ мечту влюбленный,
И внемлетъ вѣтру Лазурь нѣмая,—
Я вѣю, млѣю, воздушный, сонный.

Въ любви невѣрный, росту циклономъ,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь въ равнинахъ протяжнымъ стономъ,
И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.

Но снова легкій, всегда счастливый,
Нѣжнѣй, чѣмъ фея ласкаетъ фею,
Я льну къ деревьямъ, дышу надъ нивой,
И, вѣчно вольный, забвеньемъ вѣю.

II.

Свѣтлѣй себя.

Прекрасенъ ликъ звѣзды съ прозрачнымъ взоромъ,
Когда она, не рдѣя, не скорбя,
И зная только Небо и себя,
Струитъ лучи нетающимъ узоромъ,
Средь дальнихъ звѣздъ, поющихъ свѣтлымъ хоромъ.

Но какъ она свѣтлѣй самой себя,
Когда, воспламененнымъ метеоромъ,
Огни лучей стремительно дробя,
Горитъ — предъ смертью, падаетъ — любя!

III.

Золотая звѣзда.

Золотая звѣзда надъ Землею въ пространствѣ летѣла,
И съ Лазури на сонную Землю упасть захотѣла.

Обольстилась она голубыми земными цвѣтами,
Изумрудной травой и шуршащими въ полночь листами.

И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
Полетѣла какъ ангелъ—какъ ангелъ преступно-влюбленный.

Чѣмъ быстрѣй улетала она, тѣмъ блистала яснѣе,
И горѣла, сгорала, въ восторгѣ любви пламенѣя.
И, зардѣвшись блаженствомъ, она уступила безсилью,
И, Земли не коснувшись, разсыпалась яркою пылью.

IV.

КАКЪ ЦВѢТОКЪ.

Какъ цвѣтокъ я хочу расцвѣсти
И угаснуть безъ слова упрека,
И въ душѣ я сумѣю найти
Безконечный расцвѣтъ златоока.

Я какъ ландышъ, блѣднѣя, цвѣту
Для мечтательныхъ, нѣжныхъ, влюбленныхъ,
И въ лѣсу создаю красоту
Для сердецъ, красотой утомленныхъ.

Полюбивъ молодую Весну,
Въ поцѣлуяхъ сплетенныя тѣни,
Я порою всю ночь не усну
И мечтаю какъ вѣтка сирени.

И, узнавши изъ пѣнія птицъ,
Что окончились празднества Мая,
Я при свѣтѣ полночныхъ зарницъ
Расцвѣту какъ гвоздика лѣсная.

И когда, разлюбивши мечты,
Я забудусь въ могильной постели,
Надо мной, въ торжествѣ Красоты,
Навсегда расцвѣтутъ иммортели.

V.

ЦВѢТЫ НАРЦИССА.

Точно изъ легкаго камня изсѣчены,
Въ воду глядятъ лепестки бѣлоснѣжные
Собственнымъ образомъ пристально встрѣчены,
Въ глубь заглянули цвѣты безмятежные.

Мягкое млѣетъ на нихъ трепетаніе,
Двойственно - блѣдны, ростутъ очертанія.
Въ глубь заглянули нѣмые цвѣты, —
Поняли, поняли свѣтъ Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранитъ золотыя признанія.
Только въ себя невозвратно - влюбленное,
Стынетъ, блѣднѣетъ, въ мечтахъ безъ названія.

Съ чистою грезой цвѣтокъ обручается,
Грезу любя, онъ со Смертью вѣнчается.
Мигъ, — и отъ счастія гаснутъ цвѣты, —
Какъ они поняли свѣтъ Красоты!

VI.

БРОМЕЛІЯ.

Въ окутанной снѣгомъ плѣнительной Швеціи
На зимнія стекла я молча глядѣлъ,
И ярко мнѣ снились каналы Венеціи,
Мнѣ снился далекій забытый предѣлъ.

Впивая дыханье цвѣтущей бромеліи,
Цвѣтка золотого съ лазурной каймой,
Я видѣлъ въ глазахъ наклонившейся Леліи
Печаль, затѣненную страстью нѣмой.

Встрѣчалися взоры съ отвѣтными взорами,
Мы были далеко, мы были не тѣ.
Баюкалъ насъ иней своими узорами,
Звала насъ бромелія къ дальней мечтѣ.

И снова, какъ прежде, звеня отголосками,
Волна сладкозвучно росла за волной,
И свѣтлыя тѣни, подъятыя всплесками,
На го́ндолахъ плыли подъ блѣдной Луной.

VI.

ЭДЕЛЬВЕЙСЪ.

Я на землю смотрю съ голубой высоты,
Я люблю эдельвейсъ, неземные цвѣты,
Что ростутъ далеко отъ обычныхъ оковъ,
Какъ застѣнчивый сонъ заповѣдныхъ снѣговъ.

Съ голубой высоты я на землю смотрю,
И безгласной мечтой я съ душой говорю,
Съ той незримой Душой, что мерцаетъ во мнѣ
Въ тѣ часы, какъ иду къ неземной вышинѣ.

И, помедливъ, уйду съ высоты голубой,
Не оставивъ слѣда на снѣгахъ за собой,
Но одинъ лишь намекъ, бѣлоснѣжный цвѣтокъ,
Мнѣ напомнитъ, что Міръ безконечно широкъ.

VIII.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Бѣлый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.

Подъ тобою — глубь нѣмая,
Безъ привѣта, безъ отвѣта,
Но скользишь ты, утопая
Въ безднѣ воздуха и свѣта.

Надъ тобой — Эѳиръ бездонный
Съ яркой Утренней Звѣздою,
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотою.

Символъ нѣжности безстрастной,
Недосказанной, несмѣлой,
Призракъ женственно-прекрасный,
Лебедь чистый, лебедь бѣлый!

IX.

ВДАЛИ ОТЪ ЗЕМЛИ.

Вдали отъ Земли, безпокойной и мглистой,
Въ предѣлахъ бездонной, нѣмой чистоты,
Я выстроилъ замокъ воздушно-лучистый,
Воздушно-лучистый Дворецъ Красоты.

Какъ островъ пловучій надъ бурнымъ волненьемъ,
Надъ вѣчной тревогой и зыбью воды,
Я полонъ въ томъ замкѣ нѣмымъ упоеньемъ,
Нѣмымъ упоеньемъ безстрастной звѣзды.

Со мною бесѣдуютъ Геніи Свѣта,
Прозрачныя тучки со мной говорятъ,
И звѣзды родныя огнями привѣта,
Огнями привѣта горятъ и горятъ.

И вижу я горы и вижу пустыни,
Но что мнѣ до вѣчной людской суеты, —
Мнѣ ласково свѣтятъ иныя святыни,
Иныя святыни въ Дворцѣ Красоты.

ВѢТЕРЪ СЪ МОРЯ.

Marinero soy de amor,
Y en su piélago profundo
Navego sin esperanza
De llegar á puerto alguno.

Cervantes.

Я морякъ любви, и въ ея глубокомъ океанѣ плыву безъ надежды достичь до какой-нибудь гавани.

Сервантесъ.

I.

МОРСКАЯ ПѢСНЯ.

Все, что любимъ, все мы кинемъ,
Каждый мигъ для насъ другой:
Мы сжились душой морской
Съ вѣчнымъ вѣтромъ, съ Моремъ синимъ
    Нашъ полетъ
    Все впередъ,
Къ цѣлямъ сказочнымъ ведетъ.

Рдяный вечеръ, догорая,
Тонетъ въ зеркалѣ Небесъ.
Вотъ онъ, новый міръ чудесъ.
Вотъ она, волна морская.
    Чудный видъ!
    Все молчитъ,
Только валъ морской звучитъ.

Если мы вернемся вскорѣ
Перемѣнчивымъ путемъ,
Мы съ добычею придемъ:
Намъ дары приноситъ Море.
    Въ часъ ночной,
    Подъ Луной,
Мы спѣшимъ къ странѣ иной.

Если жъ даль не переспоримъ
И пробьетъ конецъ мечтѣ,—
Мы потонемъ въ Красотѣ,
Мы сольемся съ синимъ Моремъ,

И на днѣ,
Въ полуснѣ,
Будемъ грезить о волнѣ.

II.

ВЪ НЕПОЗНАННЫЙ ЧАСЪ.

И новыя волны,
Въ непознанный часъ,
Все новыя волны
Вставали для насъ.

Шумѣли, сверкали,
И къ дали влекли,
И гнали печали,
И пѣли вдали.

„Гляди, погляди же,
„Какъ бездна свѣтла!
„Все ближе и ближе
„Лазурная мгла!"

Какъ синія горы,
Упавшія внизъ,
Морскіе узоры
Въ громаду слились.

Закрыли громадой
Меня и тебя.
Я гибну съ отрадой,
Я гасну любя.

Въ загадочномъ взорѣ,
Волнуясь, тону
И слушаю въ Морѣ
Морскую волну.

III.

ОНА КАКЪ РУСАЛКА.

Она, какъ русалка, воздушна и странно-блѣдна,
Въ глазахъ у нея, ускользая, играетъ волна,
Въ зеленыхъ глазахъ у нея глубина—холодна.

Приди,—и она обойметъ, заласкаетъ тебя,
Себя не жалѣя, терзая, быть-можетъ, губя,
Но все же она поцѣлуетъ тебя — не любя.

И вмигъ отвернется, и будетъ душою вдали,
И будетъ молчать подъ Луной въ золотистой пыли,
Смотря равнодушно, какъ тонутъ вдали—корабли.

IV.

КАКЪ ВОЛНЫ МОРСКІЯ.

Какъ волны морскія,
Я не знаю покоя и вѣчно спѣшу.
Какъ волны морскія,
Я слезами и холодомъ горькимъ дышу.

И какъ волны морскія,
Надъ равниной хочу высоко вознестись.
И какъ волны морскія,
Восходя, я спѣшу опрокинуться внизъ.

V.

ПОБЛѢДНѢВШАЯ НОЧЬ.

Зашумѣла волна,
Покачнулся челнокъ.
И возсталъ ото сна
Пробужденный Востокъ.

Покачнулся челнокъ.
И уносится прочь.
И не видитъ Востокъ
Поблѣднѣвшую Ночь.

И уносится прочь
Все, чѣмъ счастливъ я былъ,
Что въ короткую ночь
Беззавѣтно любилъ.

VI.

ПОЛОСА СВѢТА.

Море чуть мерцаетъ подъ Луной
Зеркаломъ глубокимъ и холоднымъ.
Вѣетъ сномъ и грустью неземной,
Чѣмъ-то дальнимъ, сладостнымъ, свободнымъ.

Точно духъ навѣкъ ушедшихъ дней
Всталъ въ тѣни нѣмыхъ воспоминаній,
Сталъ шептать слышнѣй и все слышнѣй
Сказку счастья съ музыкой рыданій.

Свѣточемъ болѣзненнымъ сверкнулъ,
Ярко вспыхнулъ дрогнувшей слезою,
Прожилъ мигъ—и въ безднѣ утонулъ,
Бросивъ свѣтъ широкой полосою.

VII.

БЕЗДОМНЫЕ.

Небосклонъ опрокинутый,
Уходящая даль.
Объ отчизнѣ покинутой
Замираетъ печаль.

Надъ пустынями водными
Виденъ пѣнный узоръ.
И слезами холодными
Затуманился взоръ.

И надъ мачтой мелькающей
Все темнѣй небеса.
И корабль убѣгающій
Уронилъ паруса.

Надъ свинцовыми тучами
Альбатросы летятъ,
За волнами кипучими
Съ поднебесья слѣдятъ.

Такъ и ждутъ, что раздвинутся
Очертанья волны,
Чтобъ стремительно кинуться
Съ неземной вышины.

И почуявъ, раскатами
Набѣгающій, громъ,
Вновь рядами крылатыми
Выкликаютъ кругомъ.

И бездомные, темные,
Посылаютъ—въ Лазурь
Эти крики заемные,
Эти отклики бурь.

ВЪ ДЫМКѢ НѢЖНО-ЗОЛОТОЙ.

¿ Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermosura,
Brujuleada entre los léjos
De lo imposible?

Calderon.

Есть ли бо́льшее счастіе, бо́льшая радость какъ обожать красоту, медленно встающую въ даляхъ невозможнаго?

Кальдеронъ

I.

Я ЗНАЛЪ.

М. А. Лохвицкой.

Я зналь, что, однажды тебя увидавъ,
Я буду любить тебя вѣчно.
Изъ женственныхъ женщинъ богиню избравъ,
Я жду—я люблю—безконечно.

И если обманна, какъ всюду, любовь,
Любовью и мы усладимся,
И если съ тобою мы встрѣтимся вновь,
Мы снова чужими простимся.

А въ часъ преступленья, улыбокъ, и сна
Я буду—ты будешь—далеко,
Въ странѣ, что для насъ навсегда создана,
Гдѣ нѣтъ ни любви, ни порока.

II.

НѢМАЯ ТѢНЬ.

Нѣмая тѣнь среди чужихъ тѣней,
Я зналъ тебя, но ты не улыбалась,—
И, стройная, едва-едва склонялась
Подъ бременемъ навѣкъ ушедшихъ дней,—

Какъ лилія, смущенная волною,
Склоненная надъ зеркаломъ рѣки,—
Какъ лебедь, ослѣпленный бѣлизною
И полный удивленья и тоски.

III.

ОДНОДНЕВКА.

Я живу своей мечтой
Въ дымкѣ нѣжно-золотой,
Близь уступовъ мертвыхъ скалъ,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ задремалъ.

Весь я сотканъ изъ огня,
Я лучистый факелъ дня,
Въ дымкѣ утренней рожденъ,
Къ свѣтлой смерти присужденъ.

Однодневкой золотой
Вьюсь и рѣю надъ водой,
Вижу Солнце, вижу свѣтъ,
Всюду чувствую привѣтъ.

Только умеръ, вновь я живъ,
Чуть шепчу въ колосьяхъ нивъ,
Чуть звеню волной ручья,
Слышу откликъ соловья.

Вижу взоры красоты,
Слышу голосъ: „Милый! Ты?“
Вновь спѣшу въ любви сгорѣть,
Смертью сладкой умереть.

IV.

ИЗЪ-ЗА ДАЛЬНИХЪ МОРЕЙ.

Изъ-за дальнихъ морей, изъ-за синихъ громадъ,
Изъ-за горъ, гдѣ шумитъ и гремитъ водопадъ,
Въ твой альковъ я цвѣтовъ принесу для тебя,
Зацѣлую, любя, заласкаю тебя.

А когда, отгорѣвъ, поблѣднѣетъ луна,
И отъ жгучаго сна заалѣетъ Весна,
Задрожишь ты, какъ тѣнь, пробужденье гоня,
И, краснѣя весь день, не забудешь меня.

V.

НѢТЪ И НЕ БУДЕТЪ.

Какъ намъ отрадно задуматься въ сумеркахъ свѣтлыхъ вдвоемъ!
Тѣнь пролетѣвшаго ангела вижу во взорѣ твоемъ.

Сердце трепещетъ восторженно вольною радостью птицъ.
Вижу блаженство, сокрытое бархатной тѣнью рѣсницъ.

Руки невольно касаются милыхъ сочувственныхъ рукъ.
Призраки мирнаго счастія кротко столпились вокругъ.

Бѣлыми свѣтлыми крыльями вѣютъ и рѣютъ во мглѣ.
Какъ намъ отрадно проникнуться правдой Небесъ на Землѣ!

Нѣтъ, и не будетъ, и не было сердца нѣжнѣй твоего,
Нѣтъ и не будетъ и не было, кромѣ тебя тебя, ничего.

Вотъ, мы блаженны, какъ ангелы, вотъ мы съ тобою вдвоемъ.
Другъ мой, какое признаніе вижу во взорѣ твоемъ!

VI.

ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ.

Быть-можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моей.

Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь.
Но въ памяти прежніе образы ждутъ,
И старая тлѣетъ любовь.

И будетъ мучительно-сладостный мигъ:—
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
Ты вздрогнешь—и вспомнишь меня.

VII.

АЛАЯ И БѢЛАЯ.

1.

Мы встрѣтились молча. Закатъ умиралъ запоздалый.
Весь міръ былъ исполненъ возникшей для насъ тишиной.
Двѣ розы раскрылись и вспыхнули грезой усталой,—
Одна—озаренная жизнью, съ окраскою алой,
Другая—горящая снѣжной нѣмой бѣлизной.

И вѣтеръ промчался. Онъ сблизилъ ихъ пышныя чаши.
Мы сладко любили на склонѣ предсмертнаго дня.
Какъ сладко дышали сердца и созвучія наши!
Что̀ въ мірѣ рождалось воздушнѣе, сказочнѣй, краше!
Зачѣмъ, о, зачѣмъ же закрылась ты—прежде меня?

2.

Я свернула свѣтлыя одежды,
Я погасла вмѣстѣ съ краской дня.
Для меня поблекли всѣ надежды,
Мнѣ такъ сладко спать, закрывши вѣжды,—
Для чего ты дышешь на меня!

Дышешь сладкимъ ядомъ аромата,
Будишь въ сердцѣ прежніе огни…
Я, какъ ты, была жива когда-то,
Къ радости для сердца нѣтъ возврата…
Будь какъ я! Забудь! Умри! Усни!

МГНОВЕНІЯ ПРАВДЫ.

Кто часто бываетъ среди людей, того не могутъ посѣщать ангелы.

Сульпицій Северъ.

I.

ЗОВЪ.

Есть правдивыя мгновенья,
Сны, дающіе забвенье,
Лучъ надъ бездной вѣчно-зыбкой
Взоры съ кроткою улыбкой.

Въ темной ночи этой жизни
Дышетъ зовъ къ иной отчизнѣ,
Звонъ заоблачныхъ соборовъ,
Ткань свѣтлѣй земныхъ узоровъ.

Есть намекъ на Міръ Святыни,
Есть оазисы въ пустынѣ,
Счастливъ тотъ, кто ждетъ участья,
Счастливъ тотъ, кто вѣритъ въ счастье.

Все, на чемъ печать мгновенья,
Брызжетъ свѣтомъ откровенья,
Вѣетъ жизнью вѣчно-цѣльной,
Дышетъ правдой запредѣльной.

II.

ПОЗАБЫТОЕ.

Мечтой уношусь я къ мѣстамъ позабытымъ,
Къ холмамъ одинокимъ, дождями размытымъ,
Къ далекимъ, стоокимъ, родимымъ планетамъ,
Что свѣтятъ сквозь вѣтви таинственнымъ свѣтомъ.

Я вновь удаляюсь къ первичнымъ святынямъ,
Гдѣ дремлютъ купавы на озерѣ синемъ,
Гдѣ ландыши въ рощѣ и дышутъ, и свѣтятъ,
И если ихъ спросишь,—слезами отвѣтятъ.

Мнѣ чудятся всплески, и запахъ фіалокъ,
И эхо отъ звонкаго смѣха русалокъ,
Мнѣ слышится голосъ умершей печали,—
И стономъ за склономъ отвѣтствуютъ дали.

III.

РЕЗИГНАЦІЯ.

Звучная волна забытыхъ сочетаній,
Шепчущій родникъ давно-умолкшихъ дней.
Стонъ утихнувшихъ страданій,
Свѣтъ угаснувшихъ огней,
Съ вами говорю въ тѣни воспоминаній,
Съ вами я дышу и глубже, и полнѣй!

Вижу я цвѣты заброшеннаго сада,
Липы вѣковыя, сосны, тополя.
Здѣсь навѣкъ остаться надо,
Здѣсь привѣтливы поля.
Съ сердцемъ говоритъ церковная ограда,
Кладбища родного мирная земля.

О, не отдавайся мыслямъ недовольнымъ!
Спи, волненье лживо, и туманна даль,—
Все любилъ ты сердцемъ вольнымъ,
Полюби свою печаль,—
Отзвучатъ надежды звономъ колокольнымъ,
И тебѣ не будетъ отжитого жаль.

IV.

ПАУТИНКИ.

Если вечеръ настанетъ и длинныя, длинныя
Паутинки, летая, блистаютъ по воздуху,
Вдругъ запросятся слезы изъ глазъ безпричинныя,
И стремишься изъ комнаты къ волѣ и къ отдыху.

И, мгновенью отдавшись, какъ тѣнь, преклоняешься,
Удивляешься Солнцу, за лѣсомъ уснувшему,
И съ безмолвіемъ страннаго міра сливаешься,
Уходя къ незабвенному, къ счастью минувшему.

И проходишь мечтою аллеи старинныя,
Гдѣ въ вечернемъ сіяніи ждалъ неизвѣстнаго
И ребенкомъ слѣдилъ, какъ проносятся длинныя
Паутинки воздушныя, тѣни Чудеснаго.

V.

ТИШИНА.

Чуть блѣднѣютъ янтари
Нѣжно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спятъ купавы, спитъ камышъ.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блѣдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
Вѣютъ сладостные сны,
Дышетъ ночь, смѣняя день,
Медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
Смотритъ блѣдный серпъ Луны,
Звѣзды тихій свѣтъ струятъ,
Очи ангеловъ глядятъ.

VI.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

СОНЕТЪ.

Когда я посмотрѣлъ на блѣдную Луну,
Она шепнула мнѣ: „Сегодня спать не надо“.
И я ушелъ вкушать ночную тишину,
Меня лелѣяла воздушная прохлада.

Деревья старыя заброшеннаго сада,
Казалось, видѣли во снѣ свою весну,
Была полна мечты ихъ смутная громада,
Застылъ недвижный дубъ, ласкающій сосну.

И точно таинство безмолвное свершалось:
Въ высотахъ облачныхъ печалилась Луна,
Улыбкой грустною на что-то улыбалась.

И вдругъ открылось мнѣ, что жизнь моя темна,
Что юность быстрая, какъ легкій сонъ, умчалась,—
И плакала со мной ночная тишина.

VII.

ЗИМНІЙ ДЫМЪ.

Дымъ встаетъ и къ бѣлой крышѣ
Подъ упорствомъ вѣтра льнетъ.
Встало Солнце. Вѣтеръ тише.
Дымъ воздушный отдохнетъ.

Будетъ ровной полосою
Восходить, какъ ѳиміамъ.
Вѣчно-тающей красою
Къ вѣчно-синимъ Небесамъ!

VIII

ВЪ ЧАЩѢ ЛѢСА.

Дальнее, синее,
Небо свѣтлѣется,
Въ сѣткѣ изъ инея
Ясно виднѣется,
Синее, синее.

Тихое счастіе
Въ синей Безбрежности,
Проблескъ участія,
Чаянье нѣжности,
Кроткое счастіе.

Счастье забвенія —
Тамъ въ безпредѣльности,
Свѣтъ откровенія,
Въ безднѣ безцѣльности —
Цѣльность забвенія.

IX.

ГАВАНЬ СПОКОЙНАЯ.

Гавань спокойная. Гулъ умирающій.
Звонъ колокольный, съ небесъ долетающій.
Ангеловъ мирныхъ невнятное пѣніе.
Радость прозрачная. Сладость забвенія.

Горъ отдаленныхъ вершины узорныя,
Алыя, бѣлыя, темныя, черныя.
Созданный духами ярко-пѣвучими,
Радуги сводъ надъ огромными тучами.

Сладко-печальная, мгла полусонная,
Тихой вечерней звѣздой озаренная.
Богомъ открытая правда мгновенія.
Буря умершая. Свѣтъ и забвеніе.

X.

ВЪ ПРОСТРАНСТВАХЪ ЭѲИРА.

Въ прозрачныхъ пространствахъ Эѳира,
Надъ сумракомъ дольнаго міра,
Надъ шумомъ забытой мятели,
Два свѣтлые духа летѣли.

Они отъ Земли удалялись,
И звѣздамъ чуть слышно смѣялись,
И съ Неба они увидали
За далями новыя дали.

И стихли они понемногу,
Стремясь къ неизмѣнному Богу,
И слышали новое эхо
Иного чуть слышнаго смѣха.

Съ Земли ихъ никто не примѣтилъ,
Но сумракъ вечерній былъ свѣтелъ,
Въ тотъ часъ какъ они надъ Землею
Летѣли, покрытые мглою.

Съ Земли ихъ никто не увидѣлъ,
Но добраго злой не обидѣлъ,
Въ тотъ часъ какъ они увидали
За далями новыя дали.

XI.

ПРАВДА.

А правда пошла по поднебесью.
Изъ Голубиной книги.

Кривда съ Правдою сходилась,
Кривда въ спорѣ верхъ взяла.
Правда въ Солнце превратилась,
Въ мірѣ чистый свѣтъ зажгла.

Удалилась къ поднебесью,
Бросивъ Кривду на землѣ,
Свѣтитъ лугу, перелѣсью,
Жизнь рождаетъ въ мертвой мглѣ.

Съ той поры до дней текущихъ
Только Правдой и жива
Межь цвѣтовъ и травъ цвѣтущихъ
Жизни грусть, плакунъ-трава.

Съ той поры на синемъ Морѣ,
Тамъ, гдѣ валъ непобѣдимъ,
Правды ждетъ съ огнемъ во взорѣ
Птица мощная Стратимъ.

И когда она протянетъ
Два могучія крыла, —
Солнце встанетъ, Море грянетъ:
„Правда, Правда въ міръ пришла!“

XII.

СОНЪ.

Внемлите, смертные Земли,
Я Тотъ, Кто былъ, Кто есть, Кто будетъ,
Чьи мысли бездну звѣздъ зажгли,
Кто блѣдной травки не забудетъ.

Любите, смертные, Меня,
Свою мечту боготворите,
Молитесь Митрѣ въ блескѣ дня,
И ночью пойте гимнъ Танитѣ.

Зовите тысячью именъ
Того, Кто сердце вамъ пробудитъ,
Боготворите свѣтлый Сонъ,
Который былъ, и есть, и будетъ.

XIII.

НЕЯСНАЯ РАДУГА.

Неясная радуга. Звѣзда отдаленная.
Долина и облако. И грусть неизбѣжная.
Легенда о счастіи, борьбой возмущенная.
Лазурь непонятная, нѣмая, безбрежная.

Зарница невѣрная. Печаль многострунная.
Цвѣты нерасцвѣтшіе. Волненье безцѣльное.
Мечта заповѣдная, туманная, лунная.
И Море безсонное, какъ сонъ — безпредѣльное.

Видѣнья прозрачныя и призрачно-нѣжныя.
Стыдливаго ангела признанья несмѣлыя.
Стремленіе къ дальнему. Поля многоснѣжныя,
Застывшія, мертвыя, — и бѣлыя, бѣлыя.

XIV.

„П Р О С Т И!“

Кто услышалъ тайный ропотъ Вѣчности,
Для того беззвученъ міръ земной, —
Чья душа коснулась безконечности,
Тотъ навѣкъ проникся тишиной.

Передъ нимъ видѣнья сокровенныя,
Вкругъ него безбрежность свѣтлыхъ сновъ,
Легче тучекъ, тихія, мгновенныя,
Легче грезы, музыка безъ словъ.

Онъ не будетъ жаждать избавленія,
Онъ его нашелъ на днѣ души,—
Это въ Морѣ часъ успокоенія,
Это парусъ, дремлющій въ тиши.

Бѣлый парусъ, въ синихъ даляхъ тающій,
Какъ „прости“ всего, что Рокъ унесъ,
Какъ привѣтъ, въ послѣдній разъ блистающій,
Чтобъ угаснуть, тамъ — вдали — безъ слезъ.

У развалинъ Помпеи.
Осень, 1897.

АККОРДЫ.

Concord in discord...

John Ford.

Единство въ разногласіи...

Джонъ Фордъ.

I.

АККОРДЫ.

C'est un phare allumé sur mille citadelles.

Baudelaire.

Мнѣ снился мучительный Гойя, художникъ чудовищныхъ грезъ, —
Больная насмѣшка надъ жизнью, — надъ царствомъ могилы вопросъ.

Мнѣ снился безсмертный Веласкесъ, Коэльо, Мурильо святой,
Создавшій воздушность и холодъ и пламень мечты золотой.

И Винчи, спокойный, какъ Гете, и свѣтлый, какъ сонъ, Рафаэль,
И нѣжный какъ вздохъ, Боттичелли, нѣжнѣй, чѣмъ весною свирѣль.

Мнѣ снились волхвы откровеній, любимцы грядущихъ временъ,
Воззванья влекущихъ на битву, властительно - яркихъ знаменъ.

Намеки на сверхчеловѣка, обломки нездѣшнихъ міровъ,
Аккорды бездонныхъ значеньемъ, еще не разгаданныхъ сновъ.

ТРИ СИМВОЛА.

Явились въ міръ уже давно, — въ началѣ
Наивныхъ и мечтательныхъ временъ, —
Вѣнчанный змѣй, собака, скорпіонъ,
Три символа въ персидскомъ ритуалѣ.

Вѣнчанный змѣй—коварство и обманъ,
И скорпіонъ — источникъ разрушенья,
Ихъ создалъ грозный царь уничтоженья,
Властитель зла и ночи, Ариманъ,

Но противъ духовъ тьмы стоитъ собака.
Ее Ормуздъ послалъ къ своимъ сынамъ,—
Когда весь міръ уснетъ, уступитъ снамъ,
Она не спитъ среди ночного мрака.

Ничтоженъ скорпіонъ, безсиленъ змѣй,
Всевластенъ свѣтъ лучистаго владыки, —
Во тьмѣ ночной звучатъ надъ міромъ клики:
„Я жду! Будь твердъ! Я жду! Благоговѣй!“

III.

МУЗЫКА.

Мы слышимъ воздушное пѣнье чудесной игры,
Не видя поющаго намъ серафима.
Вздыхаемъ подъ тѣнью гигантской горы,
Вершина которой для нашего духа незрима.

И чувствуемъ смутно, что, еслибъ душой мы могли
Достичь до вершины, далекой и снѣжной,
Тогда бы — загадки печальной Земли
Мы поняли лучше, упившись мечтою безбрежной.

Но нѣтъ, мы безсильны, закрыта звенящая даль,
И звуки живые скорбятъ, умирая,
И въ сердцѣ обманутомъ плачетъ печаль,
И, гаснутъ, чуть вспыхнувъ, лучи недоступнаго Рая.

IV.

СПЯЩАЯ МАДОННА

САССОФЕРРАТО, ВЪ МУЗЕѢ БРЕРА, ВЪ МИЛАНѢ.

Сонмомъ духовъ окруженная,
Въ яркомъ свѣтѣ чистоты,
Тихимъ вихремъ вознесенная
За предѣлы высоты,
Надъ уснувшимъ полусонная, —
Матерь Бога, это Ты!

Въ безгрѣховности зачавшая,
Вѣчно-дѣвственная Мать,
Сына свѣтлаго пославшая
Смертью новый свѣтъ создать,
Всей душою пострадавшая,
Какъ могла лишь мать страдать!

Неразсказанная геніемъ,
Неисчерпанность мечты,
Сонъ, зовущій къ сновидѣніямъ,
Просвѣтленныя черты,
Вѣчный лучъ надъ вѣчнымъ тлѣніемъ,
Матерь Бога, это Ты!

V.

ПРЕДЪ КАРТИНОЙ ГРЕКО

ВЪ МУЗЕѢ ПРАДО, ВЪ МАДРИДѢ.

1.

На картинѣ Греко вытянулись тѣни,
Длинныя, восходятъ. Неба не достать.
„Гдѣ же намъ найти воздушныя ступени?
„Какъ же намъ пути небесные создать?“

Сумрачный художникъ, ангелъ возмущенный,
Неба захотѣлъ ты, въ Небо ты вступилъ,—
И, съ высотъ низвергнутъ, Богомъ побѣжденный,
Ужасомъ безумья дерзость искупилъ.

2.

Да, но безумье твое было безумье священное,
Міръ для тебя превратился въ тюрьму,
Ты разлюбилъ все земное, невѣрное, плѣнное,
Взоръ устремлялъ ты лишь къ высшему Сну своему.

Да, всѣ монахи твои — это не тѣни согбенныя,
Это не темные сонмы рабовъ,
Лица ихъ странныя, между другихъ—удлинненныя,
Съ жадностью тянутся къ высшей разгадкѣ міровъ.

VI.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Отчаянье истерзанной души,
Въ свидѣтели тебя я призываю,
Что я не спалъ въ изнѣженной тиши,
Что я не шелъ къ заманчивому Раю.

Я свѣтлаго покоя не хотѣлъ,
Боясь забыть о тѣхъ, на комъ проклятье,
Меня манилъ мучительный удѣлъ,
Меня влекли отверженные братья.

Не ангелы, а демоны со мной
Печальную дорогу совершили,
И дни мои въ обители земной
Развѣялись, какъ груда темной пыли.

VII.

КАМЕЯ.

Клеопатра, полновластная царица,
Сонъ египетскихъ ночей,
Чаровница и блудница,
Озаренная сіяньемъ ускользающихъ лучей.

Ты окутана немеркнущей славой,
И донынѣ сохранилъ
Отблескъ славы величавой
На волнахъ своихъ лѣнивыхъ плодоносный сонный Нилъ.

Дочь надменнаго владыки Птоломея,
Я дарю тебѣ свой стихъ,
Потому что ты, камея,
И въ любви и въ самой смерти непохожа на другихъ.

VIII.

ПЛАМЯ.

Нѣтъ. Уходи скорѣй. Къ восторгамъ не зови.
Любить?—Любя, убить,—вотъ красота любви.
Я только мигъ люблю, и удаляюсь прочь.
Со мной былъ яркій день, за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Мнѣ жаль тебя губить.
Бѣги, пока еще ты можешь не любить.
Какъ жерновъ буду я для полудѣтскихъ плечъ.
Свѣтить и грѣть?..—Уйди! Могу я только жечь.

IX.

ПОЛУРАЗОРВАННЫЯ ТУЧИ.

Полуразорванныя тучи
Плывутъ надъ жадною землей;
Они, спокойны и могучи,
Поятъ весь міръ холодной мглой.

Своими взмахами живыми
Они даютъ и дождь, и тѣнь,
Они стрѣлами огневыми
Сжигаютъ избы деревень

Есть души въ мірѣ — тѣ же тучи,
Для нихъ земля — какъ сонъ, какъ твердь;
Они, спокойны и могучи,
Даруютъ жизнь, даруютъ смерть.
Рабы мечты и сладострастья,
Въ себѣ лелѣютъ даръ пѣвца,
Они навѣкъ приносятъ счастье,
И губятъ, губятъ безъ конца.

X.

КОГДА ЖЕ?

О, жизни волненье! О, свѣтъ и любовь!
Когда же мы встрѣтимся вновь?
Когда я узнаю не сны наяву,
А радостный возгласъ: „Живу!“

Мы дѣтство не любимъ, отъ Солнца ушли,
Забыли велѣнья Земли,
И, сердце утративъ, отдавшись мечтѣ,
Слѣпые, мы ждемъ въ пустотѣ.

Отступники между уставшихъ враговъ,
Мы видимъ лишь гробъ и альковъ,
Холодное пламя угасшихъ свѣтилъ
Надъ царствомъ цвѣтовъ и могилъ.

XI.

АНГЛІЙСКІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Въ отдаленной дымкѣ утопая,
Привидѣньями деревья стали въ рядъ.
Чуть замѣтна дымка голубая,
Чуть замѣтные огни за ней горятъ.

Воздухъ полонъ тающей печалью,
Все предчувствіемъ неяснымъ смущено.—
Что̀ тамъ тонетъ? Что̀ за этой далью?
Тамъ какъ въ сердцѣ отуманенномъ темно!

Точно шопотъ ночи раздается,
Точно небо наклонилось надъ землей
И надъ ней, беззвучное, смѣется,
Все какъ саваномъ окутанное мглой.

XII.

ВЪ ОКСФОРДѢ.

Словно усыпаны хлопьями снѣга,
Искрятся яблони, млѣя въ цвѣтахъ.
Вѣтеръ, о вѣтви ударивъ съ разбѣга,
Шепчетъ и прячется въ дальнихъ кустахъ
Въ паркѣ мечтательномъ лунная нѣга,
Лунныя ласки дрожатъ на листахъ.

Съ башенъ доносится бой колокольный,
Дремлютъ колледжи въ объятьяхъ тѣней.
Сладостный часъ для души недовольной,
Стройныя мысли сплетаются въ ней,
Къ небу уходятъ отъ горести дольной,
Бѣглость минутъ выступаетъ яснѣй.

Дышутъ деревья, ихъ пышность нетлѣнна,
Грезятъ колледжи о Среднихъ Вѣкахъ.
Зимнія думы промчатся мгновенно,
Воды проснутся въ родныхъ берегахъ.
Время проходитъ, мечта неизмѣнна,
Наше грядушее въ нашихъ рукахъ.

XIII.

ВЕЧЕРЪ.

Удвоены влагой сквозною,
Живя неземной бѣлизною,
Купавы на небо глядятъ.
И дремлютъ прибрежныя травы,
И внемлютъ ихъ вздохамъ купавы,
Но съ ними вздохнуть не хотятъ.

На озерѣ, тихомъ и сонномъ,
Наскучивъ путемъ раскаленнымъ,
Качается огненный ликъ,—
То Солнце, зардѣвшись закатомъ,

На озерѣ, нѣгой объятомъ,
Лелѣетъ лучистый двойникъ.

И тучка,— воздушная нѣга,—
Воздушнѣй нагорнаго снѣга,
На воды глядитъ съ вышины;
Охвачена жизнью двойною,
Сквозя неземной бѣлизною,
Чуть дышетъ въ улыбкѣ волны.

Оксфордъ.
Весна, 1897.

XIV.

РУЧЕЙ.

Вильяму Р. Морфилю

„Кто печаль развѣялъ дымкой?
„Кто межь тучекъ невидимкой
„Тусклый мѣсяцъ засвѣтилъ?
„Кто, шурша травой густою,
„Возмущаетъ надъ водою
„Точно дальній дымъ кадилъ?"

"Чья печаль въ твоемъ журчаньи?"
Я спросилъ въ ночномъ молчаньи
У звенящаго ручья.
„Чья печаль въ росѣ блестящей,
И въ осокѣ шелестящей?"
Мнѣ ручей сказалъ: „Ничья!"

„Отчего же такъ печальны,
„Такъ уныло-музыкальны

„Трепетанья быстрыхъ водъ?“
„Я пою!“ ручей отвѣтилъ.
„Я всегда пѣвучъ и свѣтелъ,
„Я всегда бѣгу впередъ!“

XV.

КРЫМСКАЯ КАРТИНКА.

Все сильнѣе горя,
Молодая заря
На цвѣты уронила росу.
Гулъ въ лѣсу пробѣжалъ,
Горный лѣсъ задрожалъ,
Зашумѣлъ между скалъ водопадъ Учанъ-Су.
И горячъ, и могучъ,
Вспыхнулъ солнечный лучъ,
Протянулся, дрожитъ, и цѣлуетъ росу,
Поцѣлуй его жгучъ,
Онъ сверкаетъ въ лѣсу,
Тамъ, гдѣ гулъ такъ пѣвучъ,
Онъ цѣлуетъ росу,
А межъ сосенъ шумитъ и журчитъ Учанъ-Су.

XVI.

Въ окрестностяхъ Мадрида.

Ты глядѣла мнѣ въ душу съ улыбкой богини.
Ты со мною была, но была на картинѣ.

Ты собой создавала видѣнье Искусства,
Озаренное пламенемъ яркаго чувства.

Мы стремились къ горамъ изъ испанской столицы.
Мы съ тобой улетали, какъ вольныя птицы.

И дома чуть виднѣлись, въ лучахъ утопая.
И надъ нами раскинулась ширь голубая.

И предъ нами предстала вдали Гвадаррама,
Какъ преддверье воздушнаго бѣлаго храма.

XVII.

Мечтательный вечеръ.

Мечтательный вечеръ надъ лѣсомъ дышалъ безмятежно,
Отъ новой Луны протянулась лучистая нить,
И первыя звѣзды мерцали такъ слабо и нѣжно,
Какъ будто бы вѣтеръ чуть слышный ихъ могъ погасить.

И было такъ странно, и были такъ сказочны ели,
Какъ мертвая сталь, холодѣла поверхность рѣки,
О чемъ-то невнятномъ, о чемъ-то печальномъ, безъ цѣли,
Какъ будто бы пѣли надъ влажнымъ пескомъ тростники.

И въ блѣдномъ объятьи двѣ тѣни родныя дрожали,
И каждой хотѣлось въ другой о себѣ позабыть,
Какъ будто бы можно въ блаженствѣ не вѣдать печали,
Какъ будто бы сердце людское способно любить!

XVIII.

* * *

Отъ послѣдней улыбки луча
На горахъ засвѣтилася нѣга,
И родились, блестя и журча,
Два ключа изъ нагорнаго снѣга.

И, сбѣгая съ вершины горы,
Обнимаясь въ восторгѣ единомъ,
Устремились въ иные міры,
Къ отдаленнымъ лугамъ и долинамъ.

И въ одинъ сочеталися ключъ,
Онъ бѣжалъ, прорѣзая узоры.
Но отъ мрака разгнѣванныхъ тучъ
Затуманились хмурыя горы.

И послѣдняя ласка луча
Потонула въ туманной печали.
И холодныя капли ключа
На остывшую землю упали.

XIX.

Гдѣ-то волны отзвучали,
Волны, полныя печали,
И въ отвѣтъ
Шепчетъ вѣтеръ перелетный,
Беззаботный, безотчетный,
Шепчетъ вѣтеръ перелетный,
Что на свѣтѣ горя нѣтъ.

XX.

АМАРИЛЛИСЪ.

Амариллисъ, блѣдная свѣтлана!
Какъ нежданно сердце мнѣ смутили
Ласки мимолетнаго обмана,
Чашечки едва-раскрытыхъ лилій.
О, какъ сладко свѣтлое незнанье!
Долго ли продлится обаянье,
Много-ль золотистаго тумана,
Сколько будетъ жить моя свѣтлана?

Призракъ упованій запредѣльныхъ,
Тайна предразсвѣтнаго мечтанья,
Радостей прозрачныхъ и безцѣльныхъ,—
Съ чѣмъ тебя сравню изъ міозданья?
Съ ландышемъ сравнить тебя не смѣю,
Молча, амариллисъ я лелѣю.
Стройная плѣнительностью стана,
Блѣдная воздушная свѣтлана!

XXI.

И ТЫ ИЗМѢНИЛА.

И ты измѣнила,
Не черной измѣной,
Но быстрою смертью своей красоты.
Ушла, какъ свѣтило,
Развѣялась пѣной,
Померкла, какъ пѣсня, во мглѣ пустоты.

Цвѣты, расцвѣтая,
Нѣмой красотою
Привѣтствуютъ Вѣчность, и вянутъ во снѣ.
И пыль золотая
Летитъ надъ водою,
И таетъ и тонетъ въ чужой глубинѣ.

Я жаждалъ сліянья
Съ лучомъ откровенья,
Созвучія встрѣчи съ безсмертной душой.
Но нѣтъ обаянья,
Погасло мгновенье,
И смертному смертный — навѣки чужой.

XXII.

КЪ ШЕЛЛИ.

Мой лучшій братъ, мой свѣтлый геній,
Съ тобою слился я въ одно.
Межъ нами цѣпь однихъ мученій,
Однихъ небесныхъ заблужденій
Всегда - лучистое звено.

И я, какъ ты, люблю равнины
Безбрежныхъ стонущихъ морей,
И я съ душою андрогины,
Нѣжнѣй, чѣмъ лилія долины,
Живу какъ тѣнь среди людей.

И я, какъ свѣтъ, вскормленный тучей,
Блистаю вспышкой золотой.
И мнѣ открытъ аккордъ пѣвучій
Неумирающихъ созвучій,
Рожденныхъ вѣчной Красотой.

КОШМАРЫ.

For like an eyeless night-mare grief did sit
Upon his being...

Shelley.

Потому что печаль, какъ безглазый кошмаръ, нависла надъ его существомъ...

Шелли.

I.

УЗОРНОЕ ОКНО.

На блѣдно - лазурномъ стеклѣ
 Расписаны ярко узоры.
Цвѣты наклонились къ землѣ,
Скала убѣгаетъ къ скалѣ,
И видно, какъ дремлютъ во мглѣ
 Далекія снѣжныя горы.
Но что за высокимъ окномъ
Горитъ неразсказаннымъ сномъ,
 И краски сливаетъ въ узоры?

Не дышетъ ли тамъ Красота
 Въ мерцаніи мира и лѣни?
Всхожу,— и блѣднѣетъ мечта,
Къ печали ведетъ высота,
За яркимъ окномъ пустота,—
 Меня обманули ступени.
Все дремлетъ въ нѣмой полумглѣ,
И только на мертвомъ стеклѣ
 Играютъ бездушныя тѣни.

II.

ПРОЙДУТЪ ВѢКА ВѢКОВЪ.

Пройдутъ вѣка вѣковъ, толпы тысячелѣтій,
Какъ туча саранчи, съ собой несущей смерть,
И въ быстромъ ропотѣ испуганныхъ столѣтій
До горькаго конца пребудетъ та же твердь,—

Нѣмая, мертвая, отвергнутая Богомъ,
Живущимъ далеко въ беззвѣздныхъ небесахъ,
Въ дыханьи Вѣчности, за гранью, за порогомъ
Всего понятнаго, горящаго въ словахъ.

Всегда - холодная, пустыня звѣздъ надъ нами
Останется чужой до горькаго конца,
Когда она падетъ кометными огнями,
Какъ брызги слезъ нѣмыхъ съ печальнаго лица.

III.

ВѢЩІЙ СОНЪ.

СОНЕТЪ.

Какъ вѣщій сонъ волшебника-халдея,
Въ моей душѣ стоитъ одна мечта.
Пустыня Міра дремлетъ, холодѣя,
Въ Пустынѣ Міра дремлетъ Красота.

Отъ снѣжныхъ горъ съ высокаго хребта
Гигантская восходитъ орхидея,
Надъ ней отравой дышетъ пустота,
И гаснутъ звѣзды, въ сумракѣ рѣдѣя.

Лазурный сводъ безбреженъ и глубокъ,
Но въ глубь его зловѣще - тусклымъ взглядомъ
Глядитъ — глядитъ чудовищный цвѣтокъ,

Взлелѣянный желаньемъ, полный ядомъ.
И далеко — тѣснятъ нѣмой просторъ
Оплоты Міра, глыбы мертвыхъ горъ.

IV.

„БОГЪ НЕ ПОМНИТЪ ИХЪ...“

Въ тускломъ беззвучномъ Шеолѣ
Дремлютъ безъ сновъ рефаимы,
Тѣни умершихъ на волѣ,
Мертвой неволей хранимы.

Память склонилась у входа,
Къ темной стѣнѣ припадая.
Нѣтъ имъ ни часа, ни года,
Нѣтъ имъ призывовъ Шаддая.

Въ черной подземной пустынѣ
Мертвые спятъ караваны,
Спятъ вѣковыя твердыни,
Богомъ забытыя страны.

V.

СФИНКСЪ.

Среди песковъ пустыни вѣковой,
Безмолвный Сфинксъ царитъ на фонѣ ночи,
Въ лучахъ Луны гигантской головой
Встаетъ, ростетъ, — глядятъ, не видя, очи.

Съ отчаяньемъ живого мертвеца,
Воскресшаго въ безвременной могилѣ,
Здѣсь бился рабъ, томился безъ конца,—
Рабы кошмаръ въ гранитѣ воплотили.

И замыселъ чудовищной мечты,
Средь Вѣчности, всегда однообразной,
Возсталъ какъ врагъ обычной красоты,
Какъ сонъ, слѣпой, нѣмой, и безобразный.

VI.

ВЪ ЧАСЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Зачѣмъ въ названьи звѣздъ отравленные звуки,—
Змѣя, и Скорпіонъ, и Гидра, и Вѣсы?
— О, другъ мой, въ царствѣ звѣздъ все та же боль разлуки,
Тамъ такъ же тягостны мгновенья и часы.

О, другъ мой, плачущій со мною въ часъ вечерній,
И тамъ, какъ здѣсь, царитъ Судьбы неправый судъ,
Змѣей мерцаетъ ложь, и гидра жгучихъ терній —
Отплата мрачная за радости минутъ.

И потому теперь въ туманности Эѳира
Разсыпались огни безвременной росы,
И дышутъ въ темнотѣ, дрожатъ надъ болью Міра —
Змѣя, и Скорпіонъ, и Гидра, и Вѣсы.

VII.

РАВНИНА.

Какъ угрюмый кошмаръ исполина,
Поглотивши луга и лѣса,
Безъ конца протянулась равнина
И краями ушла въ Небеса.

И краями пронзила пространство,
И до звѣздъ прикоснулась вдали,
Затѣнивъ мiровое убранство
Монотонной печалью Земли.

И далекiя звѣзды застыли
Въ безпредѣльности мертвыхъ Небесъ,
Какъ огни бриллiантовой пыли
На лазури предвѣчныхъ завѣсъ.

И въ просторѣ пустыни безплодной,
Гдѣ недвиженъ кошмаръ мiровой,
Только носится вѣтеръ холодный,
Шевеля пожелтѣвшей травой.

ВЪ ЦАРСТВѢ ЛЬДОВЪ.

Sit down; and let us
Upon that point fix all our eyes, that point there.
Make a dull silence, till you feel a sudden sadness
Give us new soul.

Beaumont.

Сядемте; устремимъ все наше вниманіе на ту точку, вонъ на ту точку. Предадимся мрачному молчанію, пока вы не почувствуете, что внезапная скорбь даетъ намъ новую душу.

Бомонтъ.

I.

ВЪ ЦАРСТВѢ ЛЬДОВЪ.

1.

Какъ призраки огромные
Стоятъ нѣмые льды.
Надъ ними тучи темныя,
Подъ ними глубь воды.

Когда Луна,—гасильница
Туманныхъ блѣдныхъ звѣздъ,—
Небесная кадильница,—
Раскинетъ свѣтлый мостъ,

Раскинетъ мостъ сверкающій
Надъ царствомъ бѣлыхъ льдовъ,—
Пустынею нетающей
Идутъ ряды враговъ.

2.

Туманныя видѣнія
Искателей земли
Для жаднаго стремленія
Преграду здѣсь нашли.

И были здѣсь отвергнуты
Холодною волной,
Отвергнуты, повергнуты
Пустыней ледяной.

Засыпаны бездушными
Пушинками снѣговъ,
Покрыты равнодушными
Тѣнями облаковъ.

3.

Но разъ въ году, единственный,
Въ ту ночь какъ новый годъ
Рождается таинственный
Изъ бездны темныхъ водъ,·—

Путями заповѣдными
Покинувъ Океанъ,
Луна горитъ побѣдными
Лучами сквозь туманъ.

И разъ въ году, единственный,
За гранью мертвыхъ водъ,
За дымкою таинственной
Умершее живетъ.

4.

Изъ бездны отдаленія,
Искатели земли,
Встаютъ, какъ привидѣнія,
Нѣмые корабли.

И мачтами возносятся
Высоко въ небеса,
И точно въ битву просятся
Сѣдые паруса.

Но снова, караванами,
Растаютъ корабли,
Не встрѣтивъ за туманами
Невѣдомой земли.

5.

И вслѣдъ за ними,—смутныя
Угрозы царству льдовъ,—
Ростутъ ежеминутныя
Толпы иныхъ враговъ.

То люди первородные,
Избранники Судьбы,
Въ мечтаніяхъ—свободные,
Въ скитаніяхъ—рабы.

Но, вставши на мгновеніе
Угрозой царству льдовъ,
Блѣднѣютъ привидѣнія,
Рѣдѣютъ тѣни сновъ.

6.

Другія первозданныя
Игралища страстей,
Идутъ видѣнья странныя,—
Похожи на людей.

Гигантскія чудовища,—
Тяжелый сонъ вѣковъ,—
Идутъ искать сокровища,
Завѣтныхъ береговъ.

И въ страхѣ на мгновеніе,
Звучитъ скала къ скалѣ,—
Но вотъ уже видѣнія
Растаяли во мглѣ.

7.

Безбрежно-озаренная
Мерцаніемъ Луны,
Молчитъ пустыня сонная
И вѣчно видитъ сны.

И видитъ сны преступные,—
Судьбы неправый судъ.
Но, вѣчно-недоступные,
Оплоты льдовъ ростутъ.

Въ насмѣшку надъ исканьями
Восходитъ ихъ краса —
Нѣмыми очертаньями
Въ нѣмыя Небеса.

II.

ЧТО СЛЫШНО ВЪ ГОРАХЪ?

„Что ты слышишь въ горахъ?“ ты спросила меня.
„Что ты слышишь въ горахъ?“ я спросилъ. „Разскажи
мнѣ сначала“.
„Пробужденье веселаго лѣтняго дня“,
Ты съ улыбкою мнѣ отвѣчала.
„Мелодичное пѣнье альпійскихъ рожковъ,
И блеянье овецъ, и мычанье быковъ,
И журчанье ключей искрометныхъ,
Надъ вершиной безшумный полетъ облаковъ,
Пѣнье птицъ, крики птицъ перелетныхъ...
Ну, а ты?“
И, задумавшись, я отвѣчалъ:
„Нѣтъ, мнѣ слышенъ не шопотъ, а ропотъ,
Ропотъ черной грозы, и раскатный обвалъ,
Точно демоновъ яростный топотъ,
Заблудившихся путниковъ горестный крикъ,
Монотонно-гремящее эхо,
Человѣческихъ воплей отвѣтный двойникъ,
Звукъ чьего-то злораднаго смѣха.
И еще, что̀ слышнѣе всѣхъ бурь и громовъ,
Что страшнѣе, чѣмъ звонъ долголѣтнихъ оковъ
И тяжелыя муки изгнанья:
Это — сонъ вѣковыхъ непробудныхъ снѣговъ,
Это — Смерти молчанье...“

III.

МОРСКАЯ ПѢНА.

Какъ пѣна морская, на мигъ возникая,
Погибнетъ, сверкая, растаетъ дождемъ,—
Мы, дѣти мгновенья, живемъ для стремленья,
И въ морѣ забвенья могилу найдемъ.

Зачѣмъ ежечасно, волнуясь напрасно,
Стремимся мы страстно къ обманной мечтѣ?
Зачѣмъ мы рыдаемъ, скользимъ и блистаемъ,
И вновь пропадаемъ въ нѣмой пустотѣ?

О, жизни волненье! Блаженство, мученье!
Печаль и сомнѣнье! Какъ жалко мнѣ васъ!
Бѣжать бы мнѣ вѣчно, дышать безконечно,
Свѣтиться безпечно въ полуденный часъ!

IV.

ВЪ ЛАБИРИНТѢ.

1.

ПРОХОДЯ ПО ЛАБИРИНТУ.

Позабывъ о блескѣ Солнца, въ свѣтѣ призрачныхъ огней,
Проходя по лабиринту безконечныхъ ступеней,
Съ каждымъ шагомъ холодѣю, съ каждымъ днемъ темнѣе грусть,
Все, что было, все, что будетъ, знаю, знаю наизусть.

Было много... Сны, надежды, свѣжесть чувства, чистота,
А теперь душа измята, извращенна и пуста.
Я усталъ. Весна поблекла. Съ Небомъ порванъ мой завѣтъ.
Тридцать лѣтъ моихъ я прожилъ. Больше молодости нѣтъ.

Я въ безцѣльности блуждаю, въ безпредѣльности грущу,
И, утративъ счетъ ошибкамъ, больше Бога не ищу.
Я хотѣлъ отъ сердца къ Небу перебросить свѣтлый мостъ,—
Сердце прокляло созвѣздья, сердце хочетъ лучшихъ звѣздъ.

Что же мнѣ еще осталось? Съ каждымъ шагомъ холодѣть?
И на все, что проситъ счастья, съ безучастіемъ глядѣть?
О, послѣдняя надежда, свѣтъ измученной души,
Смерть, услада всѣхъ страданій, Смерть, я жду тебя, спѣши!

2.

ОНА ПРИДЕТЪ.

Она придетъ ко мнѣ безмолвная,
Она придетъ ко мнѣ безстрастная,
Непостижимой нѣги полная,
Успокоительно-прекрасная.

Она придетъ какъ сонъ таинственный,
Какъ звукъ родной во мглѣ изгнанія,
И сладокъ будетъ мигъ единственный
На грани мрака и сознанія.

Я буду тихимъ, буду радостнымъ,
Извѣдавъ счастье примиренія,
Я буду полонъ чувствомъ сладостнымъ,
Неизъяснимостью забвенія.

Безгласно буду я бесѣдовать
Съ моей душою улетающей,
Безгласно буду проповѣдывать
О силѣ жизни созидающей,—

О силѣ Правды, не скудѣющей
За невозбранными предѣлами,
И надъ умершимъ тихо вѣющей
Въ послѣдній разъ крылами бѣлыми.

V.

КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
Кому я молюсь? Равнинѣ морской.
Я братъ не людямъ, а бурѣ и вѣтру,
Я братъ холодной равнинѣ морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
Я братъ холодному горному вѣтру,
Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тѣни послѣдней.
Чего хочу я? Смерти одной.
Я духъ безстрастный, духъ безпріютный.
Хочу я дремоты, дремоты ночной.

VI.

О, волны морскія, родная стихія моя,
Всегда вы свободно бѣжите въ иные края,
Всегда одиноки въ холодномъ движеньи своемъ,
А мы безутѣшно тоскуемъ—одни и вдвоемъ.

Зачѣмъ не могу я дышать и бѣжать, какъ волна,
Я въ мірѣ одинъ, и душа у меня холодна,
Я также спѣшу все въ иные, въ иные края,—
О, волны морскія, родная стихія моя!

VII.

Море — вѣчное стремленье, горы — царственный покой.
Если ты стремишься къ счастью, ввѣрь ладью волнѣ морской:
Часъ придетъ, волненьемъ вѣчнымъ утомится жадный взоръ,—
Спи тогда съ разбитымъ сердцемъ въ тихомъ царствѣ мертвыхъ горъ.

VIII.

НА ВЕРШИНѢ.

Я въ горы ушелъ до разсвѣта:—
Все выше, туда, къ ледникамъ,
Гдѣ ласка горячаго лѣта
Лишь снится предвѣчнымъ снѣгамъ,—

Туда, гдѣ холодныя волны
Еще нерожденныхъ ключей
Блѣднѣютъ, кристально-безмолвны,
И грезятъ о чарахъ лучей,—

Гдѣ бѣлые призраки дремлютъ,
Гдѣ Время сдержало полетъ,
И вѣтру звенящему внемлютъ
Лишь звѣзды, да тучи, да ледъ.

Я зналъ, что вѣка пролетѣли,
Для сердца Земля умерла.
Давно возвѣстили мятели
О гибели Блага и Зла.

Еще малодушные люди
Цѣпей не хотѣли стряхнуть.
Но съ думой о сказочномъ чудѣ
Я къ Небу направилъ свой путь.

И топотъ шаговъ неустанныхъ
Окрестное эхо будилъ,
И въ откликахъ звучныхъ и странныхъ
Я грезамъ отвѣтъ находилъ.

И слышалъ я сагу сѣдую,
Пропѣтую Геніемъ горъ,
Я видѣлъ Звѣзду Золотую,
Съ безмолвіемъ велъ разговоръ.

Достигъ высочайшей вершины,
И вдругъ мнѣ послышался гулъ:
Домчавшійся вѣтеръ долины
Печальную пѣсню шепнулъ.

Онъ пѣлъ мнѣ: „Безумный! безумный!
„Я—вѣтеръ долинъ и полей,
„Тамъ праздникъ, веселый и шумный,
„Тамъ воздухъ нѣжнѣй и теплѣй“.

Онъ пѣлъ мнѣ: „Ты ищешь Лазури?
„Какъ тучка растаешь во мглѣ!
„И вѣчно небесныя бури
„Стремятся къ зеленой Землѣ“.

„Прощай!“ говорилъ онъ. „Хочу я
„Къ долинамъ уйти съ высоты,—
„Тамъ ждутъ моего поцѣлуя,
„Тамъ дышутъ живые цвѣты.

„У каждаго домъ есть уютный,
„Открытый дневному лучу.

„Прощай, пилигримъ безпріютный, —
„Спѣшу... Убѣгаю... Лечу!“

Все смолкло. Снѣга холодѣли
Въ мерцаньи вечернихъ лучей.
И крупныя звѣзды блестѣли
Печалью нездѣшнихъ очей.

Далекое Небо вздымалось,
Ревнивую тайну храня.
И что-то въ душѣ оборвалось,
И льды усыпили меня.

Мнѣ чудилось: колоколъ дальній
Съ лазурнаго Неба гудѣлъ,
Все тише, нѣжнѣй и печальнѣй,—
Онъ что-то напомнить хотѣлъ.

И, видя хребты ледяные,
Я понялъ въ тотъ призрачный мигъ,
Что, бросивъ обманы земные,
Я правды Небесъ не достигъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

But now I am an emperor of a world,
This little world of man. My passions are
My subjects.

Tourneur.

Но теперь я властитель надъ цѣлымъ міромъ, надъ этимъ малымъ міромъ человѣка. Мои страсти — мои подданные.

Тэрнеръ.

LXXVII.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ.

1.

La luna llena... Полная луна...
Иньесъ, блѣдна, цѣлуетъ, какъ гитана.
Te amo... amo... Снова тишина...
Но мраченъ взоръ упорный Донъ-Жуана.

Слова солгутъ,— для мысли нѣтъ обмана,—
Любовь людей,— она ему смѣшна.
Онъ видѣлъ все, онъ понялъ слишкомъ рано
Значеніе мечтательнаго сна.

Переходя отъ женщины продажной
Къ монахинѣ, безгрѣшной, какъ мечта,
Стремясь къ тому, въ чемъ дышетъ красота,

Ища улыбки глазъ бездонно-влажной,
Онъ видѣлъ сонъ земли, не сонъ небесъ,
И жаръ души испытанной исчезъ.

2.

Онъ будетъ мстить. Съ безстрашіемъ пирата
Онъ будетъ плыть среди безплодныхъ водъ.

Ни родины, ни матери, ни брата,
Надъ нимъ нависъ враждебный небосводъ.

Земная жизнь — постылый рядъ заботъ,
Любовь — цвѣтокъ, лишенный аромата.
О, лишь бы плыть — куда-нибудь — впередъ,—
Къ развѣнчаннымъ святынямъ нѣтъ возврата.

Онъ будетъ мстить. И тысячи сердецъ
Поработитъ дыханіемъ отравы.
Взамѣнъ мечты онъ хочетъ мрачной славы.

И женщины сплетутъ ему вѣнецъ,
Теряя все за сладкій мигъ обмана,
Въ проклятьяхъ восхваляя Донъ-Жуана.

3.

Что-жь, Донъ-Люисъ? Вопросъ — совсѣмъ нетрудный.
Одинъ ударъ его навѣкъ рѣшитъ.
Мы связаны враждою обоюдной.
Ты честный мужъ,— не такъ ли? Я бандитъ?

Гдѣ блещетъ шпага, тамъ языкъ молчитъ.
Впередъ! Вотъ такъ! Прекрасно! Выпадъ чудный!
А, Донъ-Люисъ! Ты падаешь? Убитъ.
In pace requiescat. Безразсудный!

Забылъ, что Донъ-Жуанъ неуязвимъ!
Быть можетъ, самымъ Адомъ я хранимъ,
Чтобъ стать для всѣхъ примѣромъ лютой казни?

Готовъ служить. Не этимъ, такъ другимъ.
И мнѣ ли быть доступнымъ для боязни,
Когда я жаждой мести одержимъ!

4.

Сгущался вечеръ. Западъ угасалъ.
Взошла луна за темнымъ океаномъ.
Опять кругомъ гремѣлъ стозвучный валъ,
Какъ шумъ грозы, летящей по курганамъ.

Я вспомнилъ степь. Я вижу за туманомъ
Усадьбу, садъ, нарядный бальный залъ,
Гдѣ тѣмъ же сладко-чувственнымъ обманомъ
Я взоры русскихъ женщинъ зажигалъ.

На зовъ любви къ красавицѣ-княгинѣ
Вошелъ я тихо-тихо, точно воръ.
Она ждала. И ждетъ меня донынѣ.

Но ночь еще хранила свой уборъ,
А я летѣлъ, какъ мчится смерчъ въ пустынѣ,
Сквозь степь я гналъ коня во весь опоръ.

5.

Промчались дни желанья свѣтлой славы,
Желанья быть среди полубоговъ.
Я полюбилъ жестокія забавы,
Полеты акробатовъ, бой быковъ,

Звѣринцы, гдѣ свиваются удавы,
И дѣвственность, вводимую въ альковъ—
На путь неописуемыхъ видѣній,
Блаженно-извращенныхъ наслажденій.

Я полюбилъ плѣняющій развратъ
Съ его неутоляющей усладой,
Съ его пренебреженьемъ всѣхъ преградъ,
Съ его — ему лишь свойственной — отрадой.
Со всѣхъ цвѣтовъ сбираяароматъ,
Люблю я жгучій зной смѣнить прохладой,
И, взявъ свое въ любви съ чужой женой,
Встрѣчать ее улыбкой ледяной.

И вдругъ опять въ моей душѣ проглянетъ
Какой-то сонъ, какой-то свѣтъ иной,
И образъ мой предъ женщиной предстанетъ
Окутаннымъ печалью неземной.
И вновь ее онъ какъ-то сладко ранитъ,
И, вновь — раба, она пойдетъ за мной,
И поспѣшитъ отдаться наслажденью
Восторженной и гаснущею тѣнью.

Любовь и смерть, блаженство и печаль
Во мнѣ живутъ красивымъ сочетаньемъ,
Я всѣхъ маню, какъ тонущая даль
Уклончивымъ и тонкимъ очертаньемъ,
Блистательно убійственнымъ, какъ сталь,
Съ ея нѣмымъ змѣинымъ трепетаньемъ.
Я весь — огонь, и холодъ, и обманъ,
Я — радугой пронизанный туманъ.

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

И человѣкъ въ человѣкѣ увидалъ врага.

То былъ первый великій грѣхъ.

И человѣкъ въ женщинѣ увидѣлъ игрушку страстей своихъ.

То былъ второй великій грѣхъ.

И полюбили они грѣхи свои, и возвели ихъ въ перлъ созданья, и преступленіе смѣшали съ красотой, и опьянили себя чарами Искусства.

То былъ третій грѣхъ, величайшій.

И мѣра ихъ беззаконія исполнилась.

Изъ Лѣтописи Міра.

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

1.

Надъ забытой колокольней
Таетъ странный блѣдный свѣтъ,
Словно грусть о жизни дольней,
Той, въ которой счастья нѣтъ.
Надъ забытой колокольней,
Въ свѣтѣ сказочныхъ огней,
Все печальнѣй, недовольнѣй
Сонмы блѣдные тѣней—
Тѣхъ, которые молились,
Преступленія полны,
И неправдой утомились,
И въ землѣ погребены,—
Тѣхъ, которые молились,
Возмущаясь тишиной,
И навѣки удалились,
Удалились въ міръ иной.

2.

Лѣсъ молчитъ во снѣ,
Сонъ его могиленъ.
Только въ тишинѣ
Стонетъ мрачный филинъ.

Красная луна
Между елей тонетъ.
Всюду тишина,
Только филинъ стонетъ.

Лѣсъ молчитъ и спитъ.
Сонъ увидѣлъ чудный.
Кто то былъ убитъ,
Здѣсь, въ глуши безлюдной.

3.

Много лѣтъ тому назадъ
Звѣзды таяли въ туманѣ.
Ночью брата встрѣтилъ братъ,
На лѣсной глухой полянѣ.

Ночью брата встрѣтилъ братъ.
Смутно дрогнулъ мракъ глубокій.
Въ эту ночь у райскихъ вратъ
Плакалъ ангелъ одинокій.

4.

И тысячи ангеловъ, тысячи Геніевъ Свѣта,
Въ предѣлахъ небесныхъ скорбѣли надъ сонной Землей,
Искали у Бога тревожнымъ вопросамъ отвѣта,
И лучшія звѣзды, блѣднѣя, подернулись мглой.

Но Богъ не отвѣтилъ, зачѣмъ допустилъ преступленье,
И падали звѣзды въ пространствѣ одна за другой,
Узнавши, что имъ за мятежъ суждено въ искупленье —
Дышать и дрожать надъ пустыней тревоги людской.

5.

Въ темнотѣ милліоны тѣней
Погребальнымъ идутъ хороводомъ.
И при свѣтѣ болотныхъ огней
Исчезаетъ народъ за народомъ.

И не въ силахъ безумцы понять,
Что вращаются въ кругѣ замкнутомъ,
Что невѣрныхъ огней не догнать
И нельзя отдаваться минутамъ,—

Что помимо звѣриныхъ страстей
Есть иное святое блаженство —
Красота первозданныхъ Идей,
Гармоничныхъ міровъ совершенство.

И безумцы не въ силахъ постичь
Безконечную прелесть познанья,
И не слышатъ немолкнущій кличъ,
Отдаленный восторгъ Міозданья.

6.

Мы цвѣты срывали, намъ цвѣты цвѣли,
Разныя дороги къ счастью насъ вели.

Намъ свѣтили звѣзды, Солнце, и Луна,
Все для насъ погасло, всюду тишина.

Мы цвѣты сорвали, больше нѣтъ цвѣтовъ,
Звѣзды утонули въ безднѣ облаковъ.

Разными путями къ смерти мы пришли,
Счастія искали, счастья не нашли.

7.

Лѣсъ молчитъ во снѣ,
Сонъ его туманенъ.
Въ мертвой тишинѣ
Кто-то въ сердце раненъ.

Тамъ волна къ волнѣ
Въ озерѣ стремится.
Въ мертвой тишинѣ
Тѣнь, одна, томится.

Лѣсъ молчитъ во снѣ,
Слышитъ: кто-то стонетъ.
Въ водной глубинѣ
Женскій образъ тонетъ.

8.

Русалка очнулась на днѣ,
Зеленыя очи открыла,
И тутъ же на днѣ, въ сторонѣ,
Родного ребенка зарыла.

И слышитъ, какъ бьется дитя,
Какъ бредитъ о мірѣ свободномъ.
Русалка смѣется, шутя—
Привольно ей въ царствѣ подводномъ.

И долгіе годы пройдутъ,
Русалка въ водѣ побѣлѣетъ,
И люди русалку найдутъ,
Когда глубина обмелѣетъ.

И люди русалку найдутъ
Застывшимъ нѣмымъ изваяньемъ,
Дивиться искусству придутъ,
Молчанью молиться молчаньемъ.

То будетъ въ послѣдніе дни,
Когда мы простимся съ Мадонной,
Надъ бездной засвѣтимъ огни,
Услышимъ свой маршъ похоронный.

9.

Что же тамъ за странный гулъ?
Ты сказалъ, что міръ уснулъ
Ты сказалъ, что темный лѣсъ
Спитъ въ безмолвіи чудесъ,
Дремлетъ сказкой быстрыхъ дней,
Бредитъ грезами тѣней.
Долгій мрачный гулъ встаетъ.
Это колоколъ поетъ!
Совѣсть грозная земли,
Говоритъ: „Возстань! Внемли!“

Это колоколъ гудитъ,
Долгимъ гуломъ сердцу мститъ
За грѣховныя мечты
Искаженной красоты.

10.

„Вы умершіе, вы мертвые, хоть кажетесь живыми,
Вы закончили круженіе въ жестокой пустотѣ.
Вы, упорствуя, играете костями роковыми,
Но грозитъ ужь срокъ содвинутый, и вы уже не тѣ.

„Все исчерпано, окончено, проиграно, чужое,
Вамъ лишь тлѣніе, гніеніе средь черной темноты.
Если ранѣе томились вы, томленье будетъ вдвое,
Вы—лишь прахъ отъ растоптанія убитой Красоты“.

ЗВѢЗДА ПУСТЫНИ.

Иногда въ пустынѣ возникаютъ голоса, но никто не знаетъ, откуда они.

Слова одного бедуина.

ЗВѢЗДА ПУСТЫНИ.

1.

О, Господи, молю Тебя, приди!
Ужь тридцать лѣтъ въ пустынѣ я блуждаю,
Ужь тридцать лѣтъ ношу огонь въ груди,
Ужь тридцать лѣтъ Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди!

Мнѣ разумъ говоритъ, что нѣтъ Тебя,
Но слѣпо я безумнымъ сердцемъ вѣрю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемѣрю,
Хоть разумъ мнѣ кричитъ, что нѣтъ Тебя!

О, смилуйся надъ гибнущимъ рабомъ!
Нѣтъ больше силъ стонать среди пустыни,
Зажгись во мракѣ огненнымъ столбомъ,
Приди, молю Тебя, я жду святыни.
О, смилуйся надъ гибнущимъ рабомъ!

2.

Только что сердце молилось Тебѣ,
Только что ввѣрилось темной судьбѣ,—
Больше не хочетъ молиться и ждать,
Больше не можетъ страдать.

Точно задвинулись двери тюрьмы,
Душно мнѣ, страшно отъ шепчущей тьмы,
Хочется въ пропасть взглянуть и упасть,
Хочется Бога проклясть.

3.

О, Даятель нѣмыхъ сновидѣній,
О, Создатель всемірнаго свѣта,
Я не знаю Твоихъ откровеній,
Я не слышу отвѣта.

Или трудно Тебѣ отозваться?
Или жаль Тебѣ скуднаго слова?
Вотъ ужь струны готовы порваться
Отъ страданья земного.

Не хочу славословій заемныхъ,—
Лучше крики пытаемыхъ плѣнныхъ,
Если Ты не блистаешь для темныхъ,
И терзаешь смиренныхъ!

4.

О, какъ Ты далекъ! Не найти мнѣ Тебя, не найти!
Устали глаза отъ простора пустыни безлюдной.
Лишь кости верблюдовъ бѣлѣютъ на тускломъ пути,
Да чахлыя травы змѣятся надъ почвою скудной.

Я жду, я тоскую. Вдали выростаютъ сады.
О, радость! Я вижу, какъ пальмы ростутъ, зеленѣя.

Сверкаютъ кувшины, звеня отъ блестящей воды.
Все ближе, все ярче! — И сердце забилось, робѣя.

Боится и шепчетъ: „Оазисъ!“ — Какъ сладко цвѣсти
Въ садахъ, гдѣ, какъ праздникъ, плѣнительна жизнь молодая.
Но что̀ это? Кости верблюдовъ лежатъ на пути!
Все скрылось. Лишь носится вѣтеръ, пески наметая.

5.

Но замеръ и вѣтеръ средь мертвыхъ песковъ,
И тише, чѣмъ шорохъ увядшихъ листовъ,
Протяжнѣй, чѣмъ шумъ Океана,
Безъ словъ, но, слагаясь въ созвучія словъ,
Изъ сферъ неземного тумана,
Послышался голосъ, какъ будто бы зовъ,
Какъ будто дошедшій сквозь бездну вѣковъ
Утихшій полетъ урагана.

6.

„Я откроюсь тебѣ въ неожиданный мигъ,
И никто не узнаетъ объ этомъ,
Но въ душѣ у тебя загорится родникъ,
Озаренный негаснущимъ свѣтомъ.
Я откроюсь тебѣ въ неожиданный мигъ.
Не печалься. Не думай объ этомъ.

„Ты воскликнулъ, что Я безконечно далекъ, —
Я въ тебѣ, ты во Мнѣ, безраздѣльно.
Но пока сохрани только этотъ намекъ:

Все—въ одномъ. Все глубоко и цѣльно.
Я незримымъ лучомъ надъ тобою горю,
Я желаніемъ правды въ тебѣ говорю“.

7.

И тамъ, гдѣ пустыня съ Лазурью слилась,
Звѣзда ослѣпительнымъ ликомъ зажглась.
Испуганно смотритъ съ нѣмой вышины,—
И вотъ надъ пустыней зарѣяли сны.

Донесся откуда-то гаснущій звонъ,
И сталъ выростать въ вышину небосклонъ.
И взорамъ открылось при свѣтѣ зарницъ,
Что въ небѣ есть тайны, но нѣтъ въ немъ границъ.

И образъ пустыни отъ взоровъ исчезъ,
За небомъ раздвинулось Небо небесъ.
Что жизнью казалось, то сномъ пронеслось,
И вѣчное, вѣчное счастье зажглось.

Римъ.
Осень, 1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОДЪ СѢВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ.

Книги К. Д. БАЛЬМОНТА.

Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты.

Въ Безбрежности. Лирика.

Тишина. Лирическія поэмы.

Горящія Зданія. Лирика современной души.

Будемъ какъ Солнце. Книга символовъ.

Только Любовь. Семицвѣтникъ.

Литургія Красоты. Стихійные гимны. *(Готовится къ печати).*

Горныя Вершины. Художественныя впечатлѣнія.

ПЕРЕВОДЫ.

Шелли. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Ц. 2 р.—Т. 2-й Ц. 2 р.—Т. 3-й. Ц. 2 р.

Кальдеронъ. Сочиненія. Вып. 1-й. *(Двѣ статьи о Кальдеронѣ, и его драма Чистилище св. Патрикка).* Ц. 90 к.—Вып. 2-й. Философскія и героическія драмы. *(1. Жизнь есть сонъ.—2. Поклоненіе Кресту.—3. Стойкій Принцъ.—4. Любовь послѣ смерти.—5. Четыре статьи о Кальдеронѣ, примѣчанія, и книголюбительскія приложенія).* Ц. 2 р. 75 к.—Вып. 3-й. Драмы ревности и мести.—*(1. Врачъ своей чести.—2. За тайное оскорбленіе тайная месть.—3. Возлюбленная Гомеса Аріаса). (Готовится).*

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Поэмы, сказки. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-й. Разсказы, статьи. *(Печатается).*—Т. 3-й. Умозрѣнія. *(Готовится).*

Ибсенъ. Привидѣнія. Драма. Ц. 50 к.

Уайльдъ. Баллада Рэдингской тюрьмы. Ц. 50 к.

Гофманъ. Котъ Мурръ. Ц. 70 к. Фантастическій романъ. Ц. 70 к.

Горнъ. Исторія скандинавской литературы. Ц. 2 р. 50 к.

Гаспари. Исторія итальянской литературы. Т. 1-й. Средніе вѣка. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-й. Эпоха Возрожденія. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ редакціей К. Д. БАЛЬМОНТА.

Гауптманъ. Сочиненія. Т. 1-й. Ц. 1 р. 50 к.— Т. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.— Т. 3-й. *(Печатается).*

Зудерманъ. Сочиненія. Т. 1-й Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.

Мутеръ. Исторія живописи. Т. 1-й. Ц. 2 р. 50 к.—Т. 2-й. Ц. 2 р. 50 к.—Т. 3-й. Ц. 2 р.

Уайльдъ. Саломея. Ц. 1 р.

2 руб.

